Легенды Пхеньяна

Издательство литературы на иностранных языках
Корея, Пхеньян
1988

ОТ РЕДАКЦИИ

Столица КНДР Пхеньян – древний город с более чем пятитысячелетней историей.

В нем сохранились и поныне земляные и горные крепости, ворота Тэдон и Потхон, беседка Ыльмир, павильон Рёнгван и другие исторические памятники и реликты, которые породили множество легенд о славной борьбе и быте корейской нации, гордящейся своей седой пятитысячелетней историей.

В книгу вошли 19 легенд, включая и сказание об отвесной скале Чхонню, что высится на берегу реки Тэдон.

Редакция издает «Легенды Пхеньяна» в переводе на ряд иностранных языков.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказание об отвесной скале Чхонню

Плавно изгибаясь, несет свои воды река Тэдон, отражая то темную зелены горы Моран, то плакучие ивы острова Рынна. Берег в одном месте высокий, обрывистый, надо водой навис, словно великан какой мечом скалу рассек. Это и есть отвесная скала Чхонню, о которой сложена легенда.

Давным-давно, в незапамятную старину за восточными воротами Пхеньянской крепости жил-был со своим старым отцом простой крестьянский парень по фамилии Сор. Был он добрым и трудолюбивым, с детства работал на поле вместе с отцом, но они едва сводили концы с концами. Порой, случалось, паводок смывал урожай, который целый год они растили не покладая рук. Приходилось собирать в лесу хворост и продавать его в городе на базаре. Голодный Сор, затянув потуже пояс, целый день ходил по горам. Одной радостью было продать хворост, купить риса и вернуться к отцу не с

пустыми руками. Если же и на базаре удачи не было, еле волоча ноги, возвращался он домой к отцу, который с трудом пропалывал свою маленькую делянку.

Соседи уважали заботливого парня. Все же был он хорошим сыном.

Раз случилось ему, продав дров, проходить по базару. Как всегда, он хотел купить немного риса. Вдруг, видит, на берегу реки Тэдон собралось много народу. Любопытствуя подошел и он. Видит, рыбак продает большущего карпа.

На редкость красивая была рыба. Чешуя так и переливалась на солнце всеми цветами радуги. Но не простой был карп. Видно, плакал он человеческими слезами, словно молил о спасении. Пожалел Сор красивую рыбу и попросил рыбака:

– Давай, я куплю карпа.

– Бери, только плати сразу два нян.

– Два нян? – переспросил парень.

В кармане у него как раз и было столько денег, но ему, вдруг, стало жаль их. Вспомнил изможденное лицо отца, заколебался, подумал: «Поздно возвращаться в горы за хворостом – базар кончается».

А карп прямо в душу глядел умоляющими глазами и едва шевелил хвостом.

– Ладно, бери деньги, отдавай рыбу, – наконец решился Сор и взял карпа. Так, с тяжелой рыбиной он и пошел на берег.

«Пускай мы сегодня посидим с отцом без ужина, но зато рыбу спас». И выпустил карпа в реку.

Карп, нырнувший в глубину, вдруг вынырнул и начал кружиться по воде, словно благодаря спасителя.

Порадовался Сор, видя карпа живым. Раз уж нет риса, пойду-ка наберу лесных ягод. Набрал он горсть ягод, завернул в широкий лист и понес отцу. Вместо ужина отец услышал всю эту историю.

– Ты доброе дело сделал, сынок, – похвалил его старик, – а этим и без еды сыт будешь.

Стемнело. Время шло ко сну. Вдруг перед Сором предстал разодетый юноша, в короне, ну ни дать ни взять – принц настоящий. С ним разнаряженные в пух и прах юные пажи.

Поклонился незнакомец Сору со словами:

– Разрешите представиться – я сын царя Западного моря. Вышел я сегодня полюбоваться волнами реки Тэдон и ненароком в сеть попал, а Вы спасли меня от верной смерти. Уж и не знаю, чем отблагодарить Вас.

Удивленно Сор уставился на принца – и вправду, губы у того были точь-в-точь, как у спасенного карпа.

– Да какая может быть благодарность! Не стоило Вашему величеству даже приходить в мою хижину из-за таких пустяков, – вымолвил Сор.

– Нет, забывать о добре, содеянном нам, не в обычае нашего морского царства. А сейчас собирайтесь – отец мой, владыка Западного моря ждет Вас.

И принц умоляюще сложил руки на груди.

– А как же мне, человеку сухопутному, вдруг очутиться в морском дворце под водой? – колебался Сор.

– Не тревожьтесь об этом, – промолвил принц и поманил к себе кого-то.

Тут же вдруг откуда ни возьмись – большущая черепаха. И малыши-пажи, словно того и ждали – подсадили Сора на ее широкую спину. Не успел парень и глазом моргнуть, как черепаха уже поплыла, унося его на своей спине все дальше от дома. Мимо проплывали

волшебные картины подводного царства. И вот, наконец, они очутились у ворот дворца. Глазам его открылась чудесная панорама: Красные коралловые колонны, словно вырастают из янтарных чаш, за воротами дворец, черепица серебром-золотом сверкает, крыша легкая – точь-в-точь птица, готовая взлететь. А в саду музыка играет.

Прошел парень двенадцать ворот – и принц шел рядом и, наконец, они пришли во дворец, к самому царю.

Роскошь ослепила парня. Чего там только не было – пол из черепаховых панцирей, потолок и стены из перламутра – все горит и сверкает. И запах чудный всюду.

И вышли Сору навстречу чиновники, свита, челядь: акула в кафтане, карась в мундире, рыба-сабля с перевязью через плечо, важная каракатица, надменный скат, старичок краб – весь в орденах, ракушка-жемчужница и даже придворная дама – морская капуста. И повели они парня прямо к царю.

А царь, как увидел Сора, протянул к нему радостно руки – «Так вот ты какой, благодетель наш, гость из человеческого царства!» – взял его за руку и посадил рядом с собой.

И начался пир в честь дорогого гостя. И длился он три дня и три ночь. И съедено и выпито было диковинных блюд и вин не мало, и увидел Сор дивные пляски подводных жителей и поразили они его в самое сердце.

Царь пил за процветание гостя, а принц почтительно отвешивал ему поклоны.

А когда прошло три дня и три ночи, царь сказал парню:

– Я хотел бы наградить тебя, о достойнейший, за спасение любимого сына. Скажи мне, чего ты хочешь.

А парень уже думал только о своем бедном отце: «Что там с ним, как он прожил эти три дня без еды, пока сын пировал да бражничал во дворце? На днях был страшный ливень – вдруг снова весь урожай дождем смыло? И стоит отец с односельчанами на краю поля и думу горькую думает? Как же я про них про всех позабыл!»

Тут царь морской и говорит:

– Возьми что нравится из моего дворца, мне для тебя ничего не жалко!

– Спасибо за заботу, – отозвался Сор, – есть у меня одна просьба.

– Не робей, парень, выполним, – ответил царь и все придворные подобострастно уставились на Сора.

– Не нужны мне драгоценности и богатства. Не смогли бы Вы силой своей волшебной повернуть реку Тэдон к горе Моран? Течет она мимо нашей деревни и смывает паводком весь урожай. Может, лучше ей течь мимо горы Моран. И краше будет и нам спокойнее.

Слова эти привели в восторг морского владыку.

– Ты, воистину, самый добрый человек, Сор. Не быть мне морским владыкой, ежели не исполню я твоего желания. Но есть у меня такое условие. Вернешься домой, упроси всех односельчан уйти в горы. Три дня и три ночь будет идти сильный дождь...

Попытался царь уговорить Сора повеселиться еще во дворце. Но Сор, тоскуя по дому, покинул подводное царство, вернулся домой на той же волшебной черепахе.

Обрадовался отец возвращению сына. Пришел в восторг от его просьбы. С того самого дня начался ливень.

Соседи послушались Сора и ушли в горы, забрав с собой нехитрые пожитки.

Но узнал об этом жадный и коварный помещик, который выжимал все соки из бедных тружеников. И распустил он слух, что Сор сумасшедший. По его доносу забрали парня и посадили в тюрьму.

Дождь лил и день и ночь, а бедняга Сор колотил кулаками в дверь камеры и кричал: «Спасайтесь, люди, идите в горы!» И ушли в горы многие и поднялась паника в крепости. Но губернатор и ухом не повел – велел высечь парня хорошенько, а сам устроил веселый пир с легкомысленными девицами.

Сор мужественно переносил побои и продолжал выкрикивать свое:

– Скоро река Тэдон потечет по другому руслу! Спасайтесь в горах, люди!

Третью ночь лил дождь, в тюрьме раздавались крики избиваемого парня, а во дворце шел пир горой, слышался смех и пение.

Вдруг грянул гром. Гигантский синий дракон взвился в небо и чудовищным хвостом рассек гору Моран пополам. И река повернула воды свои и потекла в расселине.

Перепуганный губернатор упал от страха ничком и заорал:

– Выпустите этого безумца на волю!

Палачи побросали палки и выбросили избитого парня за ворота тюрьмы.

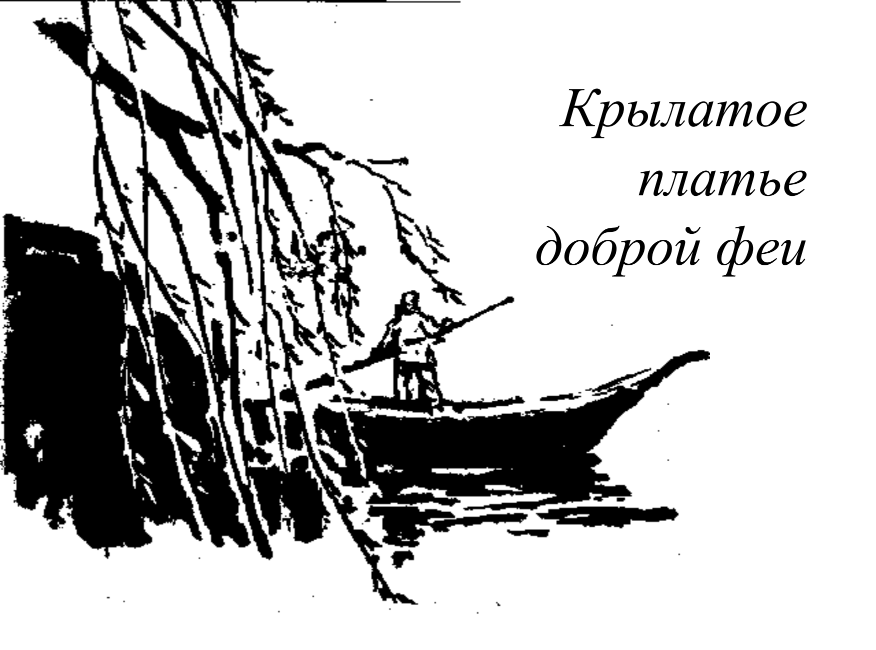
Поутру увидели изумленные жители, что река Тэдон, которая до сих пор текла по окраине города на восток, в сторону родного села Сора, изменила русло и потекла к подножию горы Моран.

А на берегу возвышался крутой обрыв, словно кто-то мечом рассек скалу. Так образовалась отвесная скала Чхонню.

× ×

Много лет спустя построили жители возле того места маленькую беседку в память о подвиге скромного парня по фамилии Сор. И назвали ее «беседкой Сорсу», а село и теперь зовется Сорсу.

Крылатое платье доброй феи

Сказочно красива Корея. Ни на земле, ни на небе нет ее краше. Над соснами горы Моран взлетают в небо аисты и гуси. Лебеди смотрятся горделиво в зеркальные заводи реки Тэдон, цветут диковинные цветы вокруг, распевают голосистые птицы, отвесная скала Чхонню заглядывает в омут и даже феи слетают с облаков, чтобы порезвиться в траве, среди цветов.

На солнечном пригорке у самой реки стояла маленькая деревенька. И жил в одном стареньком доме молодой парень со своим больным отцом. Жили они бедно, кормились рыбной ловлей. Все в округе его звали парнем-рыбарем – ведь он не боялся ничего и даже в непогоду выходил на своей утлой скорлупке на лов.

Отцу становилось все хуже и хуже. Он уже и с постели встать не мог, а сын помочь отцу тоже ничем не

мог. Мать умерла давно, отец сам вырастил мальчика и тот готов был пожертвовать всем для спасения отца.

Но никто не знал, как вылечить старика.

Старики говорили, что от такой хвори вылечить может только персик, созревший в саду небесного царства. Но как достать такой персик, если и плодоносит он раз в три тысячи лет!

От горя разрывалось сердце сына. Ловил он однажды рыбу с лодки на самой середине реки и вдруг видит: в серебряных струях, резвясь, купаются небесные феи прямо под самой скалой Чхонню. Их прозрачные платьица, похожие на крылья, висели тут же на берегу на ветвях плакучей ивы.

Парень даже рот раскрыл от изумления – так красивы были они.

Вдруг налетел ветер и унес одно невесомое платьице-крылья неведомо куда.

Глаз не мог оторвать паренек от парящего в небе платья. А оно покружилось-покружилось и стало медленно падать на старый валун, торчащий из земли во дворе его родного дома.

Ошеломленный юноша решил скорее вернуть платье хозяйке, поспешно погнал лодку к берегу.

× ×

Платье точь-в-точь было похоже на легкое птичье крыло – правду в сказках о нем сказывали. Казалось, вот-вот само взлетит в небо. Схватил его парень и так и понес в лодку, боясь смять или уронить. Гребет одной рукой, а другой платьице невесомое удерживает на весу. А тут вдруг ветер поднялся, лодку закачало, как листочек ивы на воде. Еле-еле добрался парень до укромной

бухточки, где плескались феи, но там уже не было веселых купальщиц – улетели, лишь одна осталась – сидела и плакала она, потеряв свое крылатое платьице. Феи-подружки с сожалением оглядывались, улетая, и только руками помахали.

Расхрабрился паренек, протянул дрожащей фее ее волшебный наряд и сказал:

– Я нашел Ваше платье в своем дворе. Оденьтесь скорее и возвращайтесь в небо.

Обрадовалась фея, прижала платье к груди и прошептала:

– Спасибо тебе, добрый человек. Не знаю, чем и отблагодарить тебя. Может, хочешь слетать в небесное царство? Я прилечу еще и принесу тебе крылатую одежду.

– Слышал я о чудесах небесного царства, только не могу я попасть туда – у меня дома отец тяжко болен.

– Не печалься, я помогу твоему горю, – промолвила фея. – Надо съесть небесный персик – он помогает от всех недугов. И отец будет здоров, как только отведает персик.

– Благодарю, о добрая фея, за заботу. Слышал я о волшебных персиках, но не мог придумать как добыть это чудо.

– Не тревожься, приходи сюда завтра, когда взойдет полная Луна. Я приду к тебе.

На прощание фея еще раз поблагодарила своего спасителя и улетела.

× ×

На другой день под вечер перед восходом Луны направил свою лодку паренек к отвесной скале Чхонню.

Взошла полная Луна. Откуда-то с неба послышался мелодичный звук свирели, загорелась яркая радуга и по ней спустились феи.

– А, ты уже здесь, – приветливо окликнула его знакомая фея.

– Благодарю тебя за спасение моей младшей сестренки Кым Вор, – промолвила старшая из фей. И все остальные феи поклонились юноше.

А сама фея Кым Вор протянула парню сверток и сказала:

– Это передай своему отцу. В свертке – персик – подарок от жителей небесного царства человеку с доброй душой.

– О, я безмерно благодарен вам! – промолвил растроганный юноша.

Маленький сверток дивно благоухал.

– О, сестры, давайте станцуем наш волшебный танец при Луне в честь доброго и храброго человека! – предложила старшая фея. Остальные с радостью поддержали ее.

Началась пляска. Феи водили хоровод и пели волшебные песни прямо на берегу реки Тэдон.

Фея Кым Вор запела:

Полноводна река Тэдон
Под прекрасной горой Моран,
Но еще прекрасней душа одна –
Доброты и участья полна.

Доброта и участье людей
Поразили небесных фей.
О, наш друг, в честь тебя под Луной
Пляшем танец волшебный свой.

И опять зазвучала свирель и ясная радуга перекинула мост с неба на землю – взошли на небо по этому разноцветному мосту феи, прощаясь с добрым юношей.

На прощание сказала ему Кым Вор:

– Живи счастливо, добрый человек, исцеляй своего отца.

Длинный шлейф крылатого платья феи еще долго колыхался в ночном воздухе, словно пожелание счастья.

× ×

Выздоровел отец, отведав небесного персика. Село, где в землю врос валун, на который упало крылатое платье небесной феи, теперь зовется «Ыамри» (ы – платье, ам – валун, ри – селение).

Легенда о девушке Кымранхва

Эта легенда зародилась в период существования государства Корё (918 – 1392 гг.) в Согене – ныне в Пхеньяне.

Жила-была в крепости Соген юная красавица, дочь бедного кузнеца. За красоту называли ее люди Кымранхва – золотой цветок. Она сама очень любила этот цветок.

А по соседству жил молодой парень по имени Тори. Кымранхва и Тори с детства не разлучались, вместе играли, вместе проказничали. Не удивительно, что когда подросли, они полюбили друг друга.

Все соседи любовались красивой парой. Решили через месяц справить свадьбу. Родители готовили приданое, собирали по крохе деньги, подарки, хлопотали, несмотря на нужду.

Все шло своим чередом, но вдруг грянула беда: Тори повелели взять оружие и отправиться на границу защищать рубежи.

Могли бы и повременить из-за свадьбы, но приказ инспектора надо было выполнять под страхом смертной казни. Того, кто нарушал приказ, ждала смерть или ссылка.

Получив это печальное известие, влюбленные опечалились. Перед разлукой пошли они вечером на берег реки Тэдон и всю ночь просидели, вспоминая детство, беспечную жизнь, дружбу свою. И поклялись они друг другу быть верными до самой смерти.

На рассвете Тори должен был отправиться в путь. Перед разлукой он надел на палец девушке колечко с золотым цветком Кымран, которое сам смастерил.

– Не успел я сделать второе кольцо, – с грустью сказал он невесте. – Вернусь и себе такое сделаю.

С рассветом тронулся в путь Тори, прихватив узелок и самодельную саблю. Долго смотрела Кымранхва вслед любимому, пока не скрылся он за поворотом у горы Моран. Так и ушел он на границу.

Тяжко было на душе у Кымранхва.

– Возвращайся скорее, мой дорогой, возвращайся цел и невредим, я буду ждать тебя все это время, – шептала девушка.

И все стоял у нее перед глазами жених, улыбающийся сквозь слезы, в новом ватнике, который она ему шила по ночам.

А на ее пальце поблескивало колечко, подаренное перед разлукой.

Медленно шла она по знакомой тропинке, по той самой, по которой бегали они беспечно в детстве. Шла она и проклинала жестокий мир.

Понимала Кымранхва, что священный долг каждого человека – защищать свою землю от врагов, но чувствовала она, что с любимым ее разлучили козни

податного инспектора. Именно он коварно отправил Тори за тридевять земель.

Возвратившись домой, девушка застала там чиновника из податной конторы. Он сказал ей, чтобы она принарядилась и ждала приказа явиться во дворец начальника гарнизона. Ее занесли в список девушек, увеселяющих начальство, то есть тех, кого именуют в народе кисэн.

Вот и пришла еще одна беда. В крепости разнесся слух о том, что враги напали на пограничные посты. Тяжелые мысли одолевали Кымранхва.

«Почему так жесток этот мир...» – сетовала она, размышляя над своей горькой участью. Ни родители, ни соседи не могли найти слов, чтобы утешить ее.

Горько плакала мать над участью несчастной дочери.

Тем временем начальник гарнизона крепости, в честь своего дня рождения, решил устроить увеселительную прогулку в лодках по реке Тэдон.

Вызвали Кымранхва. Слух об участи девушки уже достиг ушей всех жителей и они кипели от негодования.

– Враги грозят мирной жизни в стране, а этот негодяй устраивает пирушку, да еще пытается лишить чести невесту отважного воина, – говорили они.

Начальник гарнизона доводился сыном крупного придворного из столицы. Именно поэтому, желая выслужиться, коварный податной инспектор решил подсунуть ему самую красивую девушку в городе в услужение. Он надеялся на продвижение по служебной лестнице.

Вот уже и послали слуг из дворца за девушкой. Они принесли ей роскошную одежду и драгоценные украшения.

– Это кощунство – разлучать невесту с женихом, – возмущались родители и соседи.

Но слуги и слышать не хотели ни о чем. Все горожане были возмущены до предела. Весть о таком злодейском бесчинстве облетела весь город. Невеста Тори тем временем не выходила из дома. Глубокой ночью сидела она во дворе и точила кинжал. Время от времени поглядывала на острое лезвие, ярко блестевшее при лунном свете. Ее мать, проснувшаяся в тревоге, не нашла в доме дочери и выглянула во двор. То, что она увидела, заставило ее похолодеть от ужаса, но проснувшийся вслед за ней отец успокоил ее.

– Не пугайся – наша девочка кует себе волю, видишь, какая она у нас славная, – добавил он. Кузнец был честным, стойким и справедливым человеком.

Мать всю ночь проплакала у очага, а дочь все точила и точила и без того острый, как бритва, кинжал.

На следующее утро девушку все же заставили выйти к реке Тэдон. Была она одета буднично и бедно.

– Ты почему не наряжена?! – заорал на нее инспектор и велел слугам принести парчовую одежду и дорогие украшения. Но девушка и не взглянула на них.

На середине реки плавала нарядная лодка. В ней сидел начальник гарнизона. Под его широкой спиной пестрели подушки из тигровой шкуры. Из-за шелковой ширмы ему протягивали вино в серебряном кубке.

Глянув в лицо девушке, он вскочил.

– Вот это красавица. Словно утренняя ласточка, – пробормотал он, смачно причмокивая.

– Да – да, и впрямь, ласточка, – льстиво поддакнули чиновники.

– Первая красавица во всей округе, – добавил, угодливо склоняясь, податной инспектор и резко бросил девушке: Эй, Кымранхва, иди, попляши перед господином, да и спой нам что-нибудь.

Но девушка оборвала его речи: – Я дочь бедного кузнеца. Меня ничему не учили, я очень мало знаю. Но я люблю свою землю и хочу сказать, что не время пировать да веселиться, когда враги разоряют родную страну, а ты, господин начальник, вместо того, чтобы отражать вражеские удары во главе войска, устраиваешь прогулки в лодке, принуждая к служению даже дочь простолюдина. Это навлечет на тебя гнев народа.

– Ха-ха-ха... Ты не только красотка, но одарена красноречием, – засмеялся начальник.

Один воин с саблей на боку грубо оборвал девушку:

– Отсюда до границы больше тысячи ли. Не твое дело – беспокоиться об обороне. Уже лучше налей водочки нашему господину.

– У нас сегодня торжество. Не болтай лишнего, берись за дело, – приказал податной инспектор.

Девушка гордо выпрямилась и ответила: – Я не продажная девица, а невеста воина. Он вместо вас защищает границы, он ушел за тридевять земель проливать свою кровь, а вы, обязанные командовать войсками, беспечно пьянствуете, пытаясь совратить честную девушку. Грех это великий. Не позорьте себя перед соплеменниками!

Начальник гарнизона стал бледнее мела. Он ударил кулаком по маленькому столику и заорал:

– Сейчас же отрубите голову этой болтливой ведьме и бросьте ее поскорее в реку!

На девушку с двух сторон навалились солдаты, но в этот миг блеснул на солнце остро отточенный кинжал.

Перепуганный начальник свалился с подушек на дно лодки.

– Если вы будете силой заставлять меня что-нибудь делать, я при помощи кинжала докажу вам верность

пхеньянских девушек, – сказала она. – Но не забывайте, что несмываемый позор ляжет на тех, кто не проливает кровь за свою страну, а отрубает головы девушек на пирушках.

– Убить эту ведьму, живо! – орал начальник.

Со звоном выпал из тонких девичьих пальчиков острый кинжал от удара дубинкой. Один из солдат зашвырнул кинжал в воду.

– Горе мне, – поглядев с тоской вдаль, прошептала девушка. Она прощалась со своим женихом навеки. – Будь мужественным, любимый, в сражении с врагами. Прощай! Я уйду, так и не став твоей женой.

И не успели палачи схватить ее, как она ласточкой бросилась в пучину вод. И водоворот проглотил ее.

– Мерзавцы. Почему вы упустили ее и не дали мне самому отсечь эту глупую голову! – бесновался он. Его вопли и угрозы привели всех в ужас.

– Но смерть этой паршивки не должна лишать нас удовольствия, налей еще, – прорычал военачальник, протягивая кубок виночерпию за ширму, и, помедлив немного, вдруг сказал: – Ну-ка приведи сюда всех городских девчонок, поглядим на их верность.

По приказу начальника к лодке приволокли множество девушек из крепости.

– Посмотрим, как они откажутся прислуживать нам, – смеялся военачальник, обращаясь к чиновникам.

– Столкни в воду всех строптивиц, которые откажутся прислуживать нам, – обратился он к солдату.

В ответ на его слова девушки, силком приведенные в лодку, дружно воскликнули:

– Лучше смерть, чем позор! Лучше утонуть, как Кымранхва, чем стать вашей игрушкой!

Слуги набросились на них с кулаками, но девушки достойно ответили:

– Мы пойдем за тобой, мужественная Кымранхва! Мы сохраним свою честь вопреки жестокостям мира!

И они все до одной бросились в воду. Издали они были похожи на прекрасные цветы, растущие на склонах горы Моран.

Только лодка покачивалась на речных волнах.

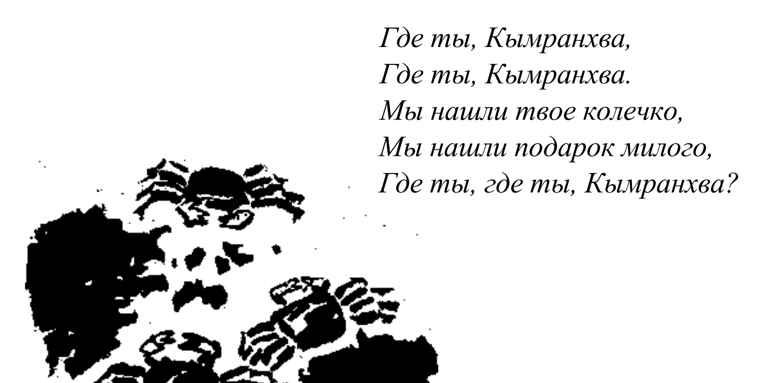
Увидев это, одна служанка горько заплакала и бросилась в пучину со словами: «Бросилась в пучину прекрасная Кымранхва, и вслед за нею еще сколько золотых цветов!»

× ×

В часы отлива, на песчаных отмелях реки Тэдон торопливо бегают маленькие крабы, словно ищут Кымранхва. Говорят, что те девушки превратились в крабиков.

Говорят, также, что слышали, как они поют песню:

Где ты, Кымранхва,
Где ты, Кымранхва.
Мы нашли твое колечко,
Мы нашли подарок милого,
Где ты, где ты, Кымранхва?

Легенда о сопке Чуам

Если ехать мимо горы Моран в сторону горы Тэсон по берегу реки Тэдон, то обязательно увидишь сопку Чуам, у самого слияния рек Хапчжан и Тэдон.

Чуам – буквально – скала, из которой течет водка.

В стародавние времена сопка была покрыта густым лесом. И крестьяне почти не селились в этом глухом месте.

Но после того, как государство Когурё перенесло столицу в Пхеньян, и в этой местности появились первые поселенцы.

У самого подножия сопки много лет жил старик, у которого был сын – вежливый и почтительный юноша. Мать семейства умерла давно, отец был стар, поэтому

юноша зарабатывал на пропитание сам. Ловил диких зверей, продавал хворост для печей. Но, постепенно, лес на горе поредел и им стало трудно жить. Старику уже шел седьмой десяток и одной радостью в жизни у него была водка.

Сын, продав дрова на базаре, обязательно приносил водку и угощал отца чаркой-другой. Но с годами все труднее стало доставать деньги, и, наконец, наступил день, когда водку уже не на что было купить.

Вернувшись домой с пустыми руками, парень не решился открыть калитку. Ему было тяжело представить себе родного отца, который сегодня не получит того, к чему он привык.

В один прекрасный день, вернее, вечер, возвращался парень домой с вязанкой дров на спине. Он прислонился спиной к скале. Вдруг где-то невдалеке послышалось легкое журчание.

– Это, наверное, из-под скалы, – догадался парень. – Вот было бы чудо, если бы оттуда текла не вода, а водка. Как бы обрадовался мой отец!

И тут он повернулся на звук журчащего ручья и понюхал воду. Вода издавала характерный запах водки!

Не сон ли это?! – у парня округлились глаза.

Он сорвал листок и зачерпнул им воды из ручья и попробовал.

Сомнений не было – это была настоящая водка. Парень пустился в пляс от восторга. Потом нашел место, где ручеек падал со скалы и поднес к нему фляжку, которую всегда носил с собой.

– Спасибо, скала! Ты принесла мне радость, а я принесу ее отцу, – сказал он. Водка наполнила фляжку и, вдруг, ручеек перестал течь.

Изумленный парень припустил домой, прижимая к груди драгоценную фляжку.

Дома он налил водки отцу. Дрожащей рукой поднося чарку к губам, старик с благодарностью смотрел на сына и думал: «Сколько сил надо было ему потратить, чтобы добыть водку!»

А сын, глядя на восхищенного отца, думал о том, чтобы отец не хворал.

Старик, поглаживая усы и щурясь от удовольствия, залпом выпил всю чарку. Вдруг он ударил себя по колену и воскликнул:

– Сын мой, где ты купил эту водку?! Впервые в жизни я попробовал такой вкусный напиток. Это не водка, это настоящий нектар, который пьют боги!

Парень обрадовался и рассказал о том, что случилось с ним сегодня.

– Это водка ниспослана тебе небом за твою сыновнюю почтительность, – с волнением сказал отец.

И на следующий день парень пришел на заветное место и вновь увидел, что из расселины в скале течет водка. Он наполнил фляжку и водка вновь перестала течь.

Каждый день парень угощал своего отца. У старика помолодело лицо, почернели седые волосы.

Скоро о волшебной скале узнали все в деревне. Слухи дошли и до жадного помещика. Он выведал место, где находится волшебный источник водки.

– Это моя водка. И скала моя. Я запрещаю сыну этого старикашки появляться у скалы, – сказал помещик и велел своему батраку принести водки. Отведав ее, он захмелел и расхвастался: этот чудодейственный бальзам послало мне небо.

Помещик не желал делиться своим достоянием ни с кем.

Он приказал своим батракам пуще глаза беречь скалу, чтобы ни одна душа не могла приблизиться к ней.

И парень был вынужден снова ходить за дровами, чтобы покупать отцу водку.

Помещику не терпелось напиться вдоволь, но водки вытекало немного – всего на одну чашку.

Ему еще хотелось послать водку губернатору и другим вельможам, чтобы расположить их к себе. А для таких подношений водки было слишком мало.

Поэтому однажды помещик прихватил железную палку и отправился к скале.

– Почему я раньше не догадался? Надо расширить щель в скале и тогда водка будет бить ключом, – пробормотал он и воткнул в скалу палку. Затем он начал расширять узкую расселину, но, вместо водки, из скалы хлынула грязная вода.

– Наверное, так и должно быть. Сегодня – грязная вода, а завтра – чистая водка.

Он вернулся домой веселый и целый день предвкушал завтрашнее удовольствие.

Но и на следующий день и все другие дни из расщелины в скале текла не водка, а грязная вода.

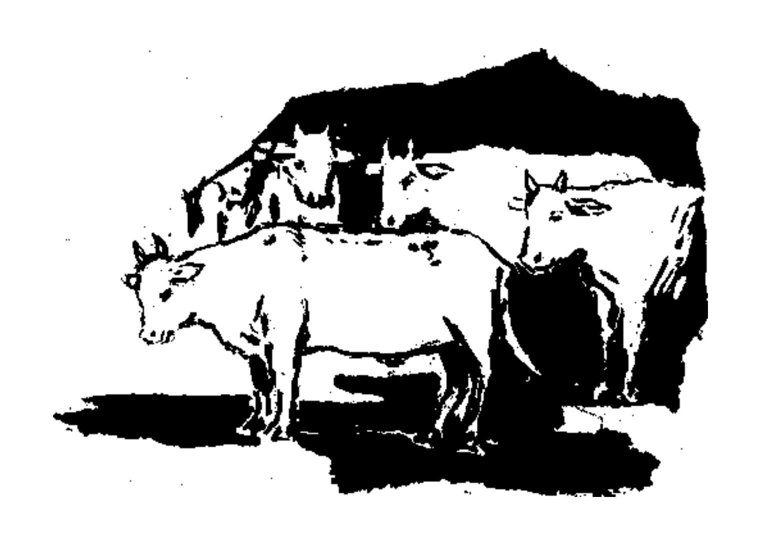
– Этого не может быть! Нужно расширить щель и все будет в порядке.

Он взял железную палку побольше, воткнул ее в щель и начал изо всех сил раскачивать ее.

Скала внезапно с грохотом рухнула и задавила жадного помещика.

Парень по-прежнему зарабатывал деньги и покупал отцу водку. В память об этом происшествии люди назвали сопку «Чуам» (чу – водка, ам – скала).

Пятеро телят

В старину у моста Енчжэ, что в восточной части Пхеньяна, было множество постоялых дворов. По этому мосту въезжали в город чиновники – дворяне из Сеула, ехали пхеньянцы, направляясь в Сеул, шли и ехали купцы, простые люди, путешественники.

Хозяином одного из постоялых дворов был очень скупой человек. Он наживался, как мог, копил деньги, обирал бедных постояльцев.

Деньги, скопленные таким образом, он держал в кубышке. Амбары его ломились от несметного количества зерна, а сундуки – от шелка и прочего добра. А скупец все множил и множил свои богатства. Скуп он был настолько, что за шестьдесят лет жизни не дал ни

одной живой душе ни гроша, ни чашки риса, ни обрывка тряпки. И жена его была под стать мужу. Люди знали, что от скряг ничего не добьешься. Соседи не любили их.

За их спиной всегда шушукались: – Не иначе, как этот паук собирается все свое добро утащить на тот свет, иначе почему бы ему так жадно копить добро? Что за смысл жить без людей – никто слова доброго не скажет.

Но скряга был глух к пересудам. Лишь однажды, когда ему стукнуло шестьдесят, он, словно проснувшись, стал созывать соседей на вечеринку.

Люди, не веря глазам своим, говорили: видимо, о душе подумал наш жадный соседушка, оглянуться решил на прожитую жизнь. Но они из любопытства приглашение принимали. Некоторые решили, что сосед одумался и собрался начать новую жизнь.

Конечно, у скряги и обед был не хорош и вина мало, но гости не обиделись – слишком уж большой неожиданностью было даже это событие.

На закате дня подошел к постоялому двору одинокий, бедно одетый путник и попросился на ночлег.

– Сегодня нельзя, – злобно буркнул хозяин.

– Разве это не постоялый двор? – недоуменно спросил путник.

– Ну, если вы хотите, ночуйте, но, чтобы завтра духу вашего здесь не было! И не вздумайте что-нибудь тянуть со стола. Я сегодня именинник, – высокомерно сказал хозяин, смерив путника презрительным взглядом.

Гость промолчал, прошел в угол корчмы и присел на корточки. Один из гостей предложил налить гостю чарку водки по старинному обычаю.

Хозяин нахмурился и заворчал: – Говорят, что самый глупый на свете – тот, кто на чужом пиру угодничает перед гостями. А ты, соседушка и есть дурак!

Все гости разом поперхнулись. Настроение пропало и пирушка пошла на убыль. Гости стали расходиться, путник сидел с виноватым лицом.

Все про себя думали: – Какая черная душа у этого человека! Впервые за всю свою жизнь он угостил соседей рюмочкой вина, да и то не от души! Верно замечено – сухая коряга никогда не зазеленеет и не зацветет.

Один из гостей пожалел путника и прошептал:

– Идем ко мне, я тебя угощу чашкой похлебки, а от хозяина ты и плесневелой корки не дождешься.

– Спасибо, добрый человек, не тревожься обо мне. Иди домой с богом.

Гости ушли, хозяин уселся за стол подсчитывать, сколько он израсходовал на водку, закуски, соус, перец для угощения соседей.

Окликнув свою жену, он полным отчаяния голосом пробормотал: «Ох, сердце разрывается! Ты зачем подала на стол столько закуски и такие большие стаканы!» От ярости он даже зубами заскрипел.

Наступила ночь. Хозяин с хозяйкой уснули, постанывая от пережитого во сне. Домочадцев тоже сморил крепкий сон.

Путник не спал. Когда все угомонились, он достал из-за пазухи мешочек и тихонько сказал:

– Ну-ка, телята, выходите!

Из кошелька выпрыгнули пять крошечных телят, не больше мизинца.

Он поставил их на дощечку и приказал:

– Ты, первый теленок, пожрешь все зерно на этом дворе. Ты, второй теленок, пожрешь все деньги в кубышке у хозяина. Ты, третий теленок, пожрешь все долговые расписки. Ты, четвертый, съешь все ткани в сундуках.

А ты, пятый, выйдешь в поле и уничтожишь все скирды у хозяина.

И тотчас вышли во двор все пятеро телят и обернулись громадными быками. И разошлись туда, куда им велел идти их повелитель.

Через час они снова сошлись во дворе и животы их были набиты хозяйским добром. Они снова уменьшились и стали не больше желудя, вошли в комнату и снова встали в ряд на дощечке.

Не успел путник открыть свой мешочек, как они все дружно попрыгали в него. А хозяин телят туго затянул шнурок на мешочке и спрятал его за пазуху и лег спать.

Наутро на постоялом дворе поднялась страшная суматоха. Хозяйка пошла за рисом в амбар, обнаружила пустые закрома и ахнула. А хозяин остолбенел, увидев, что исчезли все скирды на поле. Опустели все сундуки и ящики. Ничего не осталось.

Тем временем вернулись с поля батраки и закричали:

– Исчезли все скирды у скряги!

Во дворе хозяин с хозяйкой громко вопили и рвали на себе волосы.

Покидая постоялый двор, путник бросил через плечо:

– Зря убиваетесь, жадюги. Раз вы ничего не дали людям, и они вас ничем не поддержат.

И он поспешно тронулся в путь.

Огненная черепица «Чабонва» на беседке Чансу

Правители государства Когурё решили перенести свою столицу в крепость Пхеньян. Уже был построен великолепный королевский дворец Анхак у подножия зеленой горы Тэсон, почти у самого берега реки Тэдон.

В знак дружбы царь Западного моря прислал королю Когурё – Чансу драгоценный подарок. Его принесла на спине большая черепаха. Король отпустил черепаху восвояси, отблагодарив морского царя.

Потом он собрал во дворец всех сановников и повелел разгадать тайну драгоценного дара.

Сколько ни ломали головы премудрые царедворцы, им не удавалось разгадать тайну волшебной черепицы.

Тогда король призвал во дворец архитекора Ми И Чхона, который в тот момент руководил сооружением крепости на горе Тэсон.

Ми И Чхон был опытным и талантливым человеком, который всю свою жизнь проектировал и строил в королевстве Когурё неприступные крепости в горах и на равнинах.

Люди уважали его не только за талант, но и за дух патриотизма, стойкий характер и глубокий ум. Был он уже не молод, волосы посеребрила седина, но живой, как в молодости, блеск глаз выдавал незаурядную натуру.

Когда ему показали таинственный подарок морского царя, он улыбнулся, провел ладонью по блестящей поверхности и погладил глиняную черепицу как живую.

– Открой нам поскорее тайну этой занятной штучки, – подпрыгивая от нетерпения, сказал король.

Но Ми И Чхон, продолжая задумчиво вертеть в руках загадочную черепицу, ответил:

– Дозвольте сказать Вам, мой повелитель, что эту тайну можете знать только Вы.

Король все понял и позвал архитектора в тайные покои дворца.

– Здесь нас никто не подслушает, говори все без опаски, – промолвил король.

– Позвольте сказать Вам, что это «Чабонва» (огненная черепица). Если на нас нападут враги, из черепицы извергнется пламя и синие искры, извещая о нападении все сторожевые посты. Это настоящее сокровище.

– Какой бесценный дар я получил от царя Западного моря! – воскликнул король. – Об этом должны знать только мы с тобой! Никому нельзя знать об этом! – оглядываясь воровато по сторонам, прошептал король.

– Вы правы, мой повелитель. У меня созрел замечательный план: на горе Тэсон нужно выстроить новую беседку по случаю перенесения столицы в Пхеньян, где стоит королевский дворец Анхак, и назвать ее надо беседкой Чансу.

Так была построена на вершине горы Тэсон необыкновенно красивая беседка Чансу. Легкая, изящная, крытая новенькой черепицей, среди которой нелегко было отыскать единственную – волшебную, она украшала пейзаж.

Неожиданно, по дворцу поползли слухи, что Ми И Чхон за крупную взятку передал в руки врага сокровище – «Чабонва», присланное в дар морским царем.

По злому навету архитектор был брошен в тюрьму. Из тюрьмы его закованного доставили во дворец. Все это произошло внезапно, нежданно-негаданно.

Потрясенный Ми И Чхон горестно рассуждал про себя: тайну черепицы не знает никто, кроме его самого и короля. Что же за странная история? Допрашивал архитектора король собственной персоной.

– Говори правду, зачем ты предал нас, продал за золото врагам сокровище своей родины?

– Это наглая клевета! – воскликнул несчастный. – Здесь произошла ошибка! Прошу Вас, Ваше высочество, решить это дело своей мудростью.

– Не мели вздор, мерзавец. Тайна известна только нам двоим. Что же ты думаешь, что это я разгласил тайну?

Но архитектора не покидала мучительная мысль, что сам король похвастался среди подданных волшебными свойствами подарка. Конечно, он это сделал не нарочно, но владыка был хвастлив и болтлив и ему всегда нельзя было удержать язык за зубами в тех случаях, когда происходило что-то значительное или приятное.

Недавно он получил от властителя соседней державы в подарок очень ценную картину. В связи с этим он по очереди нескольких приближенных и каждому показал картину. Говоря при этом, что он показывает ее одному единственному, а главное – единственному приближенному и обласканному человеку.

– Это я показываю только тебе, так что знай и цени это. Такой дар, видимо, означает желание соседей жить с нами в дружбе.

В тот же день молва об этом облетела весь королевский дворец.

«Нет сомнений, что и на этот раз история повторилась», – подумал Ми И Чхон.

– А теперь смотри! – заорал король.

Ми И Чхон поднял голову и увидел, что перед королем стоит драгоценный ящичек с перламутровой инкрустацией, а в нем письмо и дорогие украшения.

Письмо было от короля враждебной державы. Он писал, что получил волшебную черепицу и шлет в дар за нее эти драгоценности. Он предлагал Ми И Чхону тайный сговор.

У Ми И Чхона кровь закипела от обиды и странных предчувствий. «При дворе короля, кажется, появился вражеский шпион. Он, вероятно, делает все возможное, чтобы узнать, где находится «Чабонва», чтобы похитить ее», – решил он.

Но король так и не поумнел, а подданные льстиво распаляли его гнев.

Ми И Чхон вновь обратился к королю со всей присущей ему страстью.

– Это интриги коварных чиновников! Поверьте мне – «Чабонва» по-прежнему там, где она должна быть. Вы сами скоро убедитесь в этом.

Тогда один из чиновников визгливо прокричал:

– Этот мерзавец хочет оклеветать нашего мудрого короля! Он покушается на авторитет священной особы и не хочет признаться в своем преступлении. Он достоин казни!

И, вслед за этим, льстивые придворные дружно поддержали чиновника.

Король, наливаясь гневом, грубо приказал вызвать палача и повелел ему как следует наказать архитектора и пытать его дыбой и плетьми, пока он не признается.

– Ну, негодяй, попробуй показать мне «Чабонва», если она там, где и была.

По мановению царственной руки палачи набросились на Ми И Чхона и избили его палками. Несмотря на чудовищное испытание он, собравшись с духом, подумал:

«Меня помилуют, если я укажу черепицу на беседке Чансу, но тогда сокровище страны неизбежно попадет в руки коварного врага. Поэтому нельзя показывать никому это место на кровле. Сокровище принадлежит всему народу, а не королю. Я лучше умру, но черепица останется на месте!»

И он остался тверд в своем решении не открывать тайну черепицы никому. Ему не были страшны пытки и смерть.

– Это сокровище должно остаться на нашей земле! Оно хорошо спрятано, почему Ваше Величество, Вы не верите мне? – вымолвил он.

Десять палачей, сменяя друг друга, били его до полусмерти.

Ми И Чхон был готов терпеть любые муки, пошел бы даже на верную смерть, но нестерпимо болело сердце за свою землю, над которой по вине глупого короля может

разразиться беда. Поэтому, как бы жестоко его ни пытали, он молчал. И сомнения короля только усилились. Он повелел палачам усилить наказание.

Бедного страдальца прижигали каленым железом и снова били палками, но он громко кричал от боли, повторял свое: я патриот, «Чабонва» хранится на земле Когурё!

Люди, слыша его стенания, сокрушенно качали головой: «Вряд ли такой человек мог совершить столь тяжкое преступление».

А истязания продолжались. С него сдирали кожу, ему ломали кости, а он все кричал: «Я когурёсец, я патриот!»

Сердца соотечественников дрогнули от жалости.

Кое-кто из придворных посоветовал королю прекратить пытки: – Раз он клянется, что невиновен, и под пыткой не признает вины, значит, и вправду невиновен! Может быть, Вы, Ваше высочество, все же утихомирите палачей, чтобы он остался в живых и рассказал бы все, как есть.

Тогда король подумал, может быть, они и правы, и вдруг черепица запылает в случае опасности, а народ будет считать меня глупым королем...

Король сделал вид, что не расслышал реплику чиновников, но, направляясь в свои покои, бросил через плечо.

– Ми И Чхон, не хочешь ли ты покаяться мне перед смертью?

– Я не боюсь смерти, – ответил храбрец, – но умоляю Вас прислушаться к моим словам: во дворце шпион, нужно найти его, а то Родина пострадает, – с рыданиями рвалось из его груди.

Наконец, король отменил пытки и велел выслать изуродованного Ми И Чхона на носилках на одинокий остров в Восточном море. В пути он скончался.

Перед смертью вымолвил: «Чабонва», охраняй мою страну!

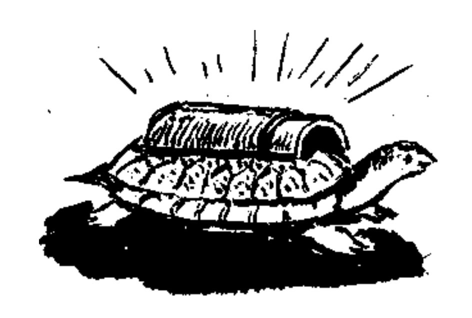
Прошло несколько лет. На Когурё пошли войной враги, зарясь на волшебную черепицу.

Ночью, на крыше беседки Чансу, что на горе Тэсон, внезапно вспыхнуло синее пламя, снопом полетели синие искры.

Изумленные горожане бросились к беседке Чансу. Но вблизи не увидели ни дыма, ни огня. Издали снова было видно пламя и снопы синих искр. Вслед за этим факелом на всех сторожевых башнях страны Когурё загорались факелы, оповещая всех об опасности.

Армия вышла навстречу врагу и вовремя отразила удар.

Лишь тогда король вспомнил о доблестном Ми И Чхоне и пожалел о нем, но поздно, того уже давно не было на свете, но имя его всегда вдохновляло патриотов на борьбу с врагом.

Сказание об озере Мичхон

Жил-был человек, звали его Ми И Чхоном. Это был очень храбрый и доблестный муж, полный отваги и любви к родной земле. Рискуя жизнью, он спас драгоценную «огненную черепицу» на крыше беседки Чансу. Было у него четыре сына.

Перед смертью он был отправлен в ссылку и тогда он созвал своих сыновей и лежа на носилках сказал им: «Я ухожу, не завершив свои дела, я в долгу перед родной землей. Дело мое должны продолжить вы, дети мои. Для защиты страны от врагов нужно построить надежные крепости. Бесценное сокровище, без которого не построить крепость, я зарыл под четырехгранной скалой, на которой стоит одинокая сосна. Вы должны найти его и выполнить волю отца».

Отец умер. Сыновья отправились на гору Тэсон в поисках сокровища. Отыскав то место, где раньше их отец предполагал выстроить неприступную Тэсонсанскую крепость, они начали свои поиски. Денно и нощно копали землю, рылись под корнями деревьев, заглядывали в трещины утесов, переворачивали замшелые валуны. Три месяца искали они сокровище, выбиваясь из сил, но тщетно!

Старший брат подбадривал младших, которые совсем было пали духом.

– Мы сыновья человека, прославившегося в народе своим умом и стойкостью. Он не мог обмануть нас. Мы должны выполнить его последнюю волю.

И младшие братья воспрянули духом и снова принялись за поиски. Целый день они прочесывали глубокое ущелье и под обрывом нашли бьющий фонтаном родник.

«Может быть – это и есть сокровище отца? Но отец сказал, что оно лежит под четырехгранной скалой, на которой стоит одинокая сосна».

Братья облазили чуть ли не свою гору, но так и не нашли сокровища, зарытого отцом.

Утомленные, они присели на завалинку избушки, где когда-то работал их отец.

Старший брат прислонился спиной к столбу, подпиравшему крышу домика, и спиной почувствовал, что рубашка прилипла к деревянному столбу. Это была сосновая смола, медленно сочившаяся из еще свежего дерева.

Вдруг в голове мелькнуло: одинокая сосна... четырехгранная скала... вот это да! Новый сосновый столб стоял на четырехгранной каменной подушке. Это совпадало со словами отца.

Братья начали рыть яму под камнем и, наконец, наткнулись на что-то твердое. «Вот оно, сокровище!» – закричали они.

Осторожно вынули из земли сверток, в котором обнаружили деревянную шкатулку.

– Что это? Не золото?

– Нет, отец говорил, что это сокровище необходимо для сооружения крепости...

Открыв шкатулку, братья обнаружили в ней книгу, завернутую в промасленную бумагу. Бережно перелистывали они страницы найденной книги. В ней были записи, касающиеся сооружения крепости. В книге отец описал свой опыт строительства различных крепостей – горных и равнинных.

Были указаны даты сооружения крепостей в государстве, их расположение и другие необходимые для строительства подробности.

Вот какое сокровище завещал отец своим детям.

О будущей Тэсонсанской крепости говорилось, что она во всем надежна и неприступна, но есть у нее одно слабое место – в крепости мало воды.

Отец писал, что одних колодцев внутри крепости при осаде не хватит защитникам. Поэтому отец завещал сыновьям найти в окрестностях родник, выкопать пруд, построить дамбу, а затем вырыть у дамбы четыре колодца, чтобы в них всегда стояла кристально чистая вода.

Прочитав завещание отца, сыновья низко склонили головы, потрясенные его любовью к родной земле. Слезы благодарности блестели в их глазах.

Сколько горячей любви к Родине! Сколько блестящих идей и планов было у отца!

Сыновья поклялись выполнить все заветы своего замечательного отца: построить дамбу, вырыть пруд и четыре колодца.

С того самого замечательного дня много воды утекло, много времени прошло, выросла прочная дамба, воды горного ключа заполнили пруд и во всех четырех колодцах стояла чистая и прозрачная вода.

И воинам, защитникам крепости, всегда хватало воды, если враг подходил к ее неприступным стенам. Гениальный расчет отца подтвердился на деле. Прошли столетия, но народ не забыл имя человека, сыновья которого воплотили в жизнь его волю.

Водохранилище, выстроенное сыновьями Ми И Чхона, называется озером Мичхон.

БОГАТЫРЬ ОН ДАР

Тогда в государстве Когурё правил король Пхенган. Возле Пхеньянской крепости было много деревень. В одной из них со своей слепой матерью жил парень по имени Он Дар.

Жили они так бедно, что не всегда хватало на пропитание. В самые голодные времена приходилось копать коренья и драть корье с деревьев.

Он Дар всегда носил рваную одежду и латаные-перелатаные лапти. Но здоровье у него было отменное и рост богатырский. Лицо было светлое, доброе и глаза большие, красивые. Сила в нем была такая, что он из лесу приносил хвороста в два-три раза больше, чем другие.

Глядя на него, многие не понимали, почему при такой силе он такой нищий. Богачи презирали его и считали дурачком. Как говорят, сила есть – ума не надо. Порой звали его на подмогу и потом расплачивались миской остывших объедков где-нибудь в укромном месте и удивлялись, почему он отказывался от еды.

Глядя на него, богачи судачили: – Могучий парень, да деревенщина, вот и горе мыкает. Поел бы, видно, что голоден как собака. А он нос воротит. Это про таких говорят: сам в нужде, а в голове одни мысли о лакомой еде. Ха-ха-ха...

Когда из крепости выезжали вельможи, слуги, разгоняя зевак, кричали: «Эй, посторонись!» Люди в страхе разбегались, склоняя головы. Один Он Дар всегда оставался на месте. Ему не раз доставался удар дубинки, но со временем к такому поведению привыкли, считая его придурковатым.

Он Дар был молчалив. Обычно он совсем не разговаривал. Некоторые думали, что он немой. Богачи прозвали его У Он Даром. У – значит дурак. Так его и называли дурачком Он Даром.

– К чему нищему стать...

– Парень заносчивый – нос дерет высоко.

Обидная кличка прочно приклеилась к парню. Даже король узнал, что возле крепости живет дурачок Он Дар.

– У Он Дар! Ха-ха! Такого дурня, видно, трудно сыскать, – потешался король.

Была у короля единственная дочка, звали принцессу Пхен Ган. В малолетстве она была ужасной плаксой. Успокаивая плачущую девочку, король шутил: будешь такой ревой, отдам тебя замуж за дурака Он Дара, а не за принца.

Шли годы. Принцесса подросла. На удивление выросла она умной, доброй, честной и волевой девушкой. Ее стали уважать во дворце. Подошло время выдавать ее замуж. Повсюду судачили, что она великая умница. Многие богачи и вельможи мечтали о браке с ней, некоторые обращались к королю с предложением.

Король решил выдать дочь за сановника, которого звали Ко. Принцесса вошла в покои отца и, склонившись перед ним, в низком поклоне обратилась к нему:

– Отец, не кажется ли Вам, что я должна выйти замуж за У Он Дара?

– Что?! За дурака Он Дара?!

– Да, но Вы, отец, говорили мне с самого детства, что хотите отдать меня за него.

– Что ты говоришь?! Это я так шутил.

– Нет, отец, я знаю, что слово короля – закон. Если не выполнять Ваши указания, то каковы же законы в государстве? И если я не выполню Ваши указания, то что

будут думать о Вас подданные? Как же тогда управлять государством и народом?

– Как ты смеешь так говорить? Ты оскорбляешь отца! Это кощунство! Прочь с глаз моих! Слыханное ли дело – королю отдавать свою дочь замуж за простолюдина, да еще к тому же за известного на весь город дурака У Он Дара?

И принцесса удалилаь из дворца. Королева-мать умоляла мужа простить дерзкую дочь, но король был непреклонен. С рыданиями мать простилась со своей любимой дочкой, нагрузила повозку золотом и дорогими тканями, отправила вместе с ней служанку.

× ×

На закате дня принцесса со своей служанкой под охраной телохранителей добрались до леса, где стоял домик Он Дара.

Напуганная ржанием и топотом коней и человеческими голосами, столь непривычными в этом медвежьем углу, мать Он Дара пыталась понять, в чем дело. Служанка, сопровождавшая принцессу, рассказала ей все:

– С сегодняшнего дня принцесса Пхен Ган будет жить в вашем доме. Она хочет стать женой Он Дара. Кстати, где он?

– Что ты говоришь? Разве можно так опасно шутить? Подумай, несчастная, что может последовать за такими словами! Тебя сурово накажут. Возвращайтесь туда, откуда пришли, пожалейте нас, несчастных!

Мать Он Дара с трудом, цепляясь за стену, выбралась за порог и бросилась в ноги непрошеным гостям.

Тем временем из леса вернулся Он Дар. Он сбросил с плеч огромную вязанку хвороста и остолбенел.

Никогда ему еще не доводилось видеть столько нарядно одетых людей, он почувствовал тонкое благоухание, исходящее от одежд пришедших. Он Дар растерялся. Тут он заметил свою мать, распростершуюся перед гостями. Он подбежал к ней и поднял ее с земли.

– Мама, что с тобой? В чем ты провинилась? Почему ты валяешься у них в ногах?

– Слушай, сынок, говорят, будто с ними приехала принцесса, она собралась жить у нас! Это неслыханное.

– Что?! – закричал, вскочив, как ужаленный, Он Дар. И хотя одет он был в лохмотья, потный и грязный, но столько достоинства было в его осанке!

И Он Дар вдруг увидел восхищенную принцессу. Она не сводила взгляда со своего избранника. К тому же в волнении она была сказочно хороша.

И опять словоохотливая служанка выложила суть дела.

Он Дар долго стоял в оцепенении, потом, вдруг, очнулся от раздумья, взял мать под руку и покачал головой.

– Нет, это невозможно! Никогда не бывать вместе нищему простому людину и дочери короля! Слишком уж немыслимая разница. Кто вы и кто мы?! И Он Дар вошел в дом, бережно поддерживая мать под руку.

Принцесса тем временем уже успела переодеться. Она сняла придворный туалет и надела простое крестьянское платье. Засучив рукава, принцесса принялась мыть котел, а ее служанка тем временем взяла кувшин и отправилась к роднику за водой.

Слуга распряг лошадь, вынул из повозки приданое, сложил все вещи у порога.

Мать Он Дара схватила сына за рукав и заплакала:

– Что все это значит?! Мое сердце не вынесет таких волнений!

Он Дар молчал. Видимо, и самому ему было нелегко.

Затем он собрал все старые свои пожитки и сказал матери: – Давай уйдем отсюда и будем жить в другом месте!

А тем временем принцесса бесшумно вошла в комнату, отобрала у Он Дара узелок с пожитками и сказала:

– Люди рождаются одинаковыми. Лишь потом они становятся героями или трусами. Главное – воспитать в себе силу, ум, мужество, волю. Каждый может прославить свое имя. Если вы не послушаетесь меня и уйдете отсюда, это будет некрасиво с вашей стороны.

Он Дар слушал молча.

– Научитесь писать и читать, владеть оружием и станьте прославленным на всю страну воином. А я чем смогу – помогу.

Принцесса говорила так искренне, что Он Дар не выдержал и спросил:

– Меня прозвали У Он Даром. Вы думаете, что я действительно могу стать таким человеком?

Принцесса подумала, что Он Дар совсем не таков, каким его ославила молва. С ней говорил умный и серьезный человек. Она очень обрадовалась в душе, понимая, что поступила правильно.

Драгоценный камень может лежать в грязи... В нищете и унижении может жить необыкновенная личность.

Обрадованная своим открытием, принцесса решила всеми силами помогать ему.

Он Дар, подумав о чем-то, сказал:

– Дорогая принцесса, Вы доверяете такому человеку, как я. Если я не оправдаю Вашего доверия, то окажусь действительно настоящим дураком. Чтобы стать таким человеком, как Вы сказали, я уйду в горы и там буду три года учиться фехтованию, стрельбе из лука и верховой езде. Тогда я смогу стать достойным Вас, не так ли? Но что станет с моей слепой больной матерью?

– Не тревожьтесь о ней. Я буду заниматься хозяйством и ухаживать за вашей достойной матушкой.

Принцесса была рада тому, что Он Дар, которого все считали дураком, на самом деле человек умный, решительный и волевой. Она приготовила своему избраннику все необходимое для жизни в лесу. На то золото, что она привезла с собой, был куплен прекрасный конь, потом сшита одежда, куплено военное снаряжение и оружие: шашка, штык, щит, лук и стрелы в колчане, шлем, кольчуга – словом, полное обмундирование знатного воина. Она посоветовала ему найти в горах знаменитого наставника, обучающего военному искусству, которого она знала с детства.

В тот день, когда Он Дар отправился в лес, принцесса, провожая его, сказала:

– Я верю Вам, Он Дар. Вы можете стать великим человеком, прославить свое имя и отстоять честь Когурё.

Он Дар, тронутый ее напутствием, с решимостью отправился в дальний путь, нежно вспоминая принцессу.

× ×

Три года провел Он Дар в горах, тренируя свое тело, напрягая ум и волю. Учитель, пораженный талантом ученика, открыл ему все секреты военного мастерства. Но, понимая всю ответственность, очень сурово требовал

с ученика. По вечерам при свече они читали и писали. Первое время Он Дару было трудно привыкать к новой жизни. Потом он понял, как непросто овладевать искусством фехтования, верховой ездой, воинским искусством. Он решил, если все люди действительно родятся одинаковыми, то почему бы и ему не стать человеком, нужным стране, умелым воином, грамотным, образованным. И он с новой силой тренировался, упражнялся, совершенствовал свое мастерство, удивляя даже своего мудрого наставника.

Наконец, у него стало все получаться. Он уже мог верхом на коне преодолевать крутой обрыв, скакать с саблями в руках через горы, когда по обе стороны коня ложилась просека срубленных деревьев. Выстрелом из лука влет сражал двух гусей и они падали к его ногам.

На исходе третьего года обучения Он Дар узнал, что в стране собираются устроить соревнования охотников на равнине Раннан.

Это должно было стать большим праздником всей страны. Как всегда, такие соревнования проходили в марте. На празднике обязательно присутствовал король со свитой, аристократы, собравшиеся со всех концов страны.

Учитель посоветовал Он Дару принять участие в этих соревнованиях.

Так, чем же король отличается от богатыря? – спросил учитель своего ученика и расхохотался, провожая Он Дара.

Площадь, на которой должны были состояться состязания, была выбрана удачно. Равнина Раннан пестрела роскошными ширмами. На возвышении сидел король, его окружала пестрая свита. Далее – чиновники и могучие воины. По левую и правую руку – стрелки из

лука, опытные фехтовальщики и многочисленные зрители. Знатные юноши в золотых шлемах и серебряных кольчугах гордыбачили на отборных конях, всем своим видом говоря: ну, кто рискнет потягаться со мной, выходи!

И вот среди этой блестящей знати появился вдруг скромно одетый человек. Правда, все заметили, что он был огромного роста и могучего телосложения. Его серебристо-белый конь гордо скакал среди других коней. Это был Он Дар. Конечно, его никто не узнавал.

Раздался звук охотничьего рожка – сигнал начала охоты на равнине Раннан. В сторону леса помчалась кавалькада знаменитых воинов, гордящихся своим искусством стрельбы из лука и фехтования.

Эти соревнования были всегда демонстрацией лучших военных сил страны, состязанием доблести и мужества самых прославленных воинов. Король считал этот праздник делом государственным. Первая добыча приносилась в жертву богам.

Равнину Раннан огласила барабанная дробь, пение трубы и крики воинов. Зрители ждали, затаив дыхание, кто выйдет победителем.

«Кто станет героем дня? Кому выпадет такая честь?» У каждого лихорадочно колотились сердца.

Спустя некоторое время со стороны леса показался воин. К крупу лошади была приторочена добыча – два больших оленя, убитые одной стрелой.

Зрители стали громко кричать, приветствуя героя праздника. Они кричали: «Молодец! Кто он такой! Пусть покажется всем».

Наконец, победитель предстал перед королем и поклонился ему.

– Поздравляю, – воскликнул король, – как тебя зовут? Ты, наверное, сын какого-нибудь канцлера?

– Меня зовут Он Даром. Я бедный крестьянин и живу в лесу за Пхеньянской крепостью.

– Что?! Ты Он Дар?!

Король вскочил с места.

В это время за спиной короля тихо колыхнулся полог шатра и из-за занвеса появилась принцесса Пхен Ган. Она с почтением взяла за руку королеву-мать и склонилась перед отцом в земном поклоне.

– Отец, примите мой поклон. Я не могла послать его Вам вот уже три года.

По щекам принцессы текли слезы. Королева потихоньку рассказала королю обо всех злоключениях дочери после разлуки.

– Да... – король покачал головой. Он внимательно поглядел на славного Он Дара. Сама принцесса увидела Он Дара впервые после разлуки. Слезы текли из ее глаз так обильно – это были слезы радости. Он Дар среди придворных выделялся силой и красотой. Она сама ждала этого дня и верила, что Он Дар непременно примет участие в охоте.

– Ты умница, дочь моя.

В глазах короля была нежность, радость и благодарность.

– Он Дар, подойди ко мне.

И Он Дар встал рядом с королем. Вот он герой дня – стройный, сильный, волевой, ловкий – разве это У Он Дар?

Король крепко сжал его руку. Стоявшая рядом принцесса сквозь слезы улыбнулась Он Дару.

Прошло время. Он Дар сделался знаменитым военачальником. Каждый раз, отражая нападения врагов,

он шел впереди, демонстрируя могущество своей страны.

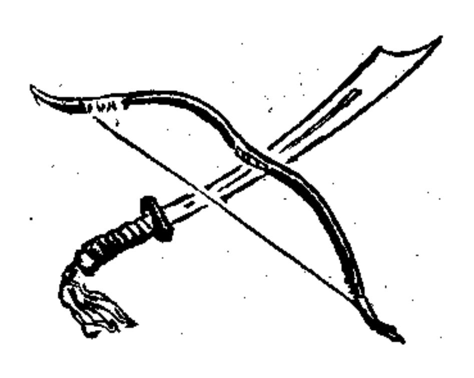
Богатырь Он Дар, который до седых волос командовал когурёским воинством и отстаивал свою землю от нападений врагов, навсегда остался в памяти соотечественников.

В день его похорон весь народ собрался в город. Когда гроб с его телом нужно было поднять с земли, чтобы нести на кладбище, самые сильные мужчины не смогли оторвать его от земли, словно он не желал оставлять любимую отчизну и отправиться на тот свет.

Тогда, уже давно поседевшая, постаревшая принцесса встала перед гробом на колени и тихо сказала:

– Вы, супруг мой, совершили на этой земле множество блистательных подвигов, защищая родную землю, а теперь Вам пора отдохнуть на том свете.

После этих слов, – так гласит предание, – гроб смогли оторвать от земли и соотечественники с почестями смогли похоронить героя.

Олененок и девушка-батрачка

С давних пор повелось пхеньянцам ходить на горную гряду Чхангван. Нравилось жителям это красивое место. От горы Тэсон до самых сопок Чуам, Моран и Чхангван тянулись густые леса. Водились в лесах и медведи, и олени, и зайцы, а уж птиц селилось без счета. Может быть, еще и потому тянулись душой горожане к дивному уголку вольной природы.

Как-то в мае справляли горожане весенний праздник тано. Под плакучей ивой у самого подножия горы стояли высокие качели и две нарядно одетые девушки раскачивались так сильно, что, казалось, дотянутся до самого неба. Все собрались полюбоваться на девушек – на одной из них была желтая кофточка и розовая юбка, на другой – голубая юбка и кофточка темного пурпура. В длинных косах вьются алые ленты, взлетают девушки вверх, как ласточки, стараясь дотянуться до колоко-

льчика, привязанного к самой высокой ветке. Зрители восторженно хлопали, выражая радость и удивление.

Праздник тано каждый год с четвертого по шестое мая отмечали все пхеньянцы. Они шли к подножию горы Чхангван, в ущелье Кенсанкор и на гору Моран. Женщины и девушки развлекались играми и качались на качелях, а мужчины и мальчики упражнялись в национальной борьбе *сирым* и в стрельбе из лука, демонстрируя силу и ловкость.

Казалось, все жители города вышли на праздник. Но это только казалось. С грустью оглядываясь на празднично одетых горожан, по узкой тропинке на гору Чхангван поднималась совсем юная девушка. На вид ей было не больше пятнадцати лет. За плечами у нее был чигэ и веревка для хвороста. Одета она была в жалкие лохмотья. Но такой красотой сияло ее светлое личико, такая нежность наполняла большие темные глаза, что каждый, кто бы увидел ее, понял, какая она добрая.

Странно было видеть, что в праздник на гору за хворостом идет не парень, а девушка. Это неспроста.

Девушка была в изношенных соломенных лапоточках и в латаном-перелатаном платьишке. Глаза ее горели любопытством. Она смотрела с завистью вниз на качели. И вдруг заметила свою хозяйку, семенящую с важным видом в сторону качелей.

Хозяйка была разодета в пух и прах. На ней было шелковое платье, расшитое золотом и серебром, и вся она звенела и сверкала драгоценными побрякушками.

Девушка батрачила на эту расфранченную даму. Именно сегодня хозяйка приказала ей заполнить водой три больших чана и принести из леса две вязанки дров.

Увидев хозяйку, девушка чуть не расплакалась от обиды, но ничего не поделаешь – проглотила навернувшиеся слезы и исчезла в лесу.

Девушку звали Ман Ок. Она родилась в деревне у самой горы Чхангван. Родители умерли, когда она была совсем малюткой. И с тех пор девочка едва могла прокормиться, хотя все жалели сиротку.

Мать перед смертью умоляла соседей позаботиться о девочке, и хотя они сами были людьми бедными, все же, как могли, старались ей помочь.

Когда сиротке пошел восьмой год, богач Хын, хозяйничавший в селе, увел ее к себе в дом, пообещав заботиться до самой свадьбы.

Но это были всего лишь слова… Богач Хын нещадно загружал девочку работой, она была и нянькой, и прачкой, и кухаркой и даже ходила в горы за дровами. Так вот и выросла у чужих людей, непосильно работая за нищенский кусок хлеба, получая щелчки, побой и оскорбления.

По ночам тихонько плакала, вспоминая о матери, и росла в ней одна мечта: пожить свободно и счастливо, ни перед кем не унижаясь. Но это была всего лишь мечта.

Ман Ок, смахнув навернувшиеся на глаза слезы, успокаивалась, почти с ожесточением собирая хворост.

Когда вязанка стала непомерно большой, девушка вдруг услышала за спиной треск ломающегося валежника и быстрый топот. На тропинку выбежал перепуганный олененок.

– Спаси меня, девушка!

Ман Ок сразу смекнула, что за ним гонятся по лесу охотники. Острая жалость к малышу и ненависть к его жестоким преследователям охватила ее.

Девушка спрятала олененка за вязанкой хвороста. Через несколько мгновений к ней подбежали охотники с криком: – Ты не видела олененка? Куда он удрал?

Девушка поняла, что это развлекаются чиновники из дворца. Они никогда не проводили праздники вместе с простым людом, не соревновались в борьбе *сирым,* они позволяли себе другие удовольствия, например, охоту на зверей, на которую они одевались, как на бал.

– Видела! – воскликнула девушка. – Он побежал вон туда. И указала рукой в противоположную сторону. Но волнение сразу охватило ее: вдруг они подойдут ближе к вязанке хвороста?!

К счастью, охотники даже и не взглянули на вязанку. В этот миг олененок зашевелился и выскочил из своего укрытия.

– Спасибо тебе! Уж не знаю, чем отблагодарить тебя за спасение!

Ман Ок стряхнула мусор, прилипший к шкурке олененка, и сказала:

– Не стоит благодарить меня! Они могут вернуться. Беги скорее к матери.

Но олененок не двигался с места, сверкая глазами, полными благодарных слез.

– Тогда иди за мной, – сказал он девушке, забегая вперед.

Ман Ок с сомнением покачала головой, но из любопытства все же последовала за ним. Он был очаровательно грациозен и говорил человеческим голосом.

Олененок звал девушку за собой. Вдруг он встал, как вкопанный. Девушка увидела прекрасную поляну, окруженную отвесными скалами, на которых, причудливо изгибаясь, росли деревья, с одной скалы со звоном и журчанием низвергался маленький водопад. Ман Ок и не знала, что на горе Чхангван есть такое волшебное место.

Тут к ней приблизилась мать-олениха с маленькими олененятами. Она склонила перед девушкой свою прекрасную голову и заговорила:

– Сегодня Вы спасли жизнь моему сыну. Чем же Вас отблагодарить?

В это время подбежал спасенный олененок, держа во рту какой-то маленький зеленый кустик с маленьким красным цветком. Это был цветущий сансам (корень жизни). Настоящий сансам. Ман Ок хорошо знала, что это лекарственная трава. Она частенько замечала, что ее хозяин принимал лекарство из этой целебной травы.

– Дети, слушайте меня, – обратилась мать-олениха к своим малышам, – давайте отведем добрую девушку на поляну, где растет корень жизни.

Они дружно двинулись через лес к скальному обрыву. Добравшись до маленькой полянки, они начали весело прыгать. Девушка увидела, что вся поляна покрыта красными цветками сансама.

× ×

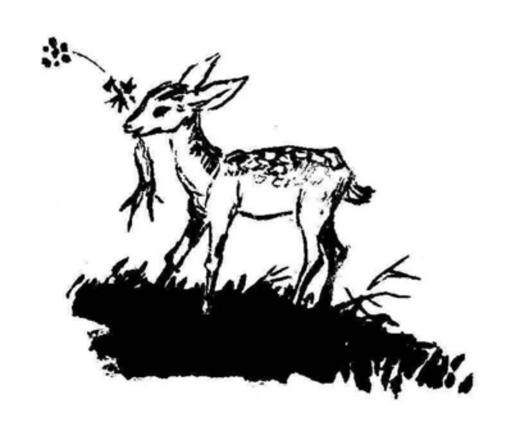
Добрая девушка Ман Ок набрала целую вязанку корней жизни и, взвалив ее на плечи, понесла в свое село. Она хотела подарить его бедным людям и так она и сделала. Жить она стала счастливо и никто ее уже не мог унизить и оскорбить.

Гора Чхангван хранит в памяти не только этот замечательный случай, а множество всевозможных историй, связанных с поисками волшебного корня жизни.

Бывший хозяин Ман Ок, услыхав о целой поляне сансама, решил тоже испытать счастье. Раз девочка собрала целую вязанку, рассуждал он, то мы вдвоем с

женой наберем намного больше. Взвалив на плечи большой мешок, они отправились в ущелье на поиски счастливой поляны. С тех пор их больше никто не видел.

Кто-то из односельчан нашел в горах шапку жадного богача Хына и украшения его жены. Говорили добрые люди, что жадным супругам не нашлось места в небесном царстве, их, наверное, утащили в свое логово тигры.

Женщина с оленьими ногами и ее сыновья

Это было очень давно – во времена Когурё.

В горе Сокта, в местности Чынсан у западного побережья, жил человек по имени У Ген. Он был знаменит тем, что знал очень многое, был, как сейчас говорят, настоящим эрудитом.

Но большую часть жизни он крестьянствовал. Поскольку он очень любил молодежь, то вокруг него всегда собирались юноши. Он делился с ними секретами военного мастерства и подготовил множество умелых и храбрых воинов. Среди его учеников выделялся умом и храбростью Ыльчжи Мун Док, которому выпало стать знаменитым полководцем.

У мудрого У Гена была жена, такая умная и великодушная, как он. Она всей душой была предана родной земле. У нее было два сына, в которых мать души не чаяла, и она помогала мужу вырастить из них храбрых воинов.

У этой доброй женщины были необыкновенные ноги – они походили на оленьи. Поэтому ее называли

Рокчжок – дама с оленьими ногами. У сыновей ноги тоже были, как у матери.

У Ген умер внезапно. Очень горевали все вокруг, а особенно горько переживали утрату ученики и жена с сыновьями.

Овдовев, Рокчжок продолжала дело мужа. Она, как и он, трудилась на поле у подножия горы Сокта, растила сыновей, которые с детства любили играть в войну и всегда командовали.

Однажды один из соседских мальчуганов, играя в войну, проштрафился, за что был наказан. Он, видимо, очень огорчился, поэтому споткнулся, упал с обрыва и насмерть разбился. В этот день игрой командовали сыновья покойного У Гена.

Погибший мальчик был сыном деревенского богача.

Рокчжок, понимая, что ее сыновей ждет наказание, решила спрятать их подальше от дома.

Ночью она с сыновьями покинула деревню и добралась до берега Западного моря. Она нашла лодку и усадила в нее детей, но вспомнила, что в спешке забыла продукты в дорогу.

Ей пришлось вернуться в деревню. Она велела сыновьям дождаться ее в лодке. Пока она ходила, подул сильный ветер и угнал маленькую лодочку в море. Возвратившись, она не нашла лодки, ее относило все дальше и дальше в море. Она звала и звала детей, но те ничего не слышали.

– Дети мои, не забудьте свою родину, куда бы вы ни попали! – во весь голос кричала мать вслед исчезающей лодке.

А лодка уже скрылась за горизонтом и напрасно звала сыновей мать охрипшим от горя голосом.

Она была чуть жива, понимая, что случилось непоправимое. Дети еще малы и не смогут как следует управлять лодкой.

До них не долетели слова матери.

× ×

Оставшись одна, Рокчжок ушла в горы Тэсон и жила там одна, подкармливая диких оленей.

Так прошло 20 лет.

За это время на Когурё напали иноземные захватчики. Их нашествие отбили войска, ведомые полководцем Ыльчжи Мун Доком.

Этот человек родился на свет не простым путем. Рассказывают, что одна добрая женщина, живущая в селе Чоксонкор у подножия горы Сокта, возвращалась с поля, заметила огромное яйцо, которое насиживала целая стая птиц. Она подняла его с земли и принесла домой. Из этого яйца вышел Ыльчжи Мун Док.

Однажды еще ребенком Ыльчжи Мун Док нес на спине торбу с солью. Какой-то зверь выскочил из темноты и загородил дорогу. Мальчик поднял палку и ударил зверя. Тот упал бездыханный. Оказалось, что он убил палкой громадного тигра.

Таков был этот храбрый полководец.

В этот раз на Когурё напало очень большое вражеское войско. Силы были неравными. Войско Когурё могло погибнуть.

Тогда Рокчжок переоделась в воинские доспехи и пришла к полководцу.

Она была уже немолода, седина серебрила ее виски, но она напросилась в войско. Ей непременно захотелось участвовать в сражении.

Полководец был глубоко тронут поступком пожилой женщины, которая была вдовой его учителя. Это был поступок, достойный восхищения. Но он побоялся отправлять женщину на передовую, где шла смертельная сеча.

– Я уже стара, но как мне, патриотке и вдове полководца, сидеть сложа руки и смотреть, как гибнет Родина. Вам известно, уважаемый и доблестный воин, что мои сыновья пропали двадцать лет назад и некому их заменить.

Полководец был до слез тронут ее словами.

Случилось так, что Ыльчжи Мун Доку понадобилось послать разведку в стан врага. Для этого он пошел на разведку сам, якобы для проведения переговоров, а сам,

тем временем, внимательно следил за всеми действиями врага. Узнав все, что нужно, он двинулся обратно. Но командующий войсками противника успел разгадать хитрый маневр Ыльчжи Мун Дока и послал отряд солдат с заданием догнать и убить храбреца. Враги кричали:

– Постой, у нас предложение!

Конечно, преследуемый и не подумал остановиться.

На скаку он крикнул преследователям:

– Переговоры кончены! Я спешу к своим! Время не ждет!

В это время из-за туч выглянула полная луна и осветила окрестности. На берегу реки, до которой добрался наш герой, не было ни плота, ни лодки. Ситуация стала принимать опасный оборот. Преследователи приближались. Вдруг на волнах он заметил лодку. Она приблизилась к берегу и полководец увидел Рокчжок. Вскочив в лодку, Ыльчжи Мун Док начал быстро грести к противоположному берегу.

Рокчжок улыбалась. Она была одета в невероятный костюм и походила на фею.

– Каким ветром занесло Вас сюда, уважаемая госпожа?!

Женщина промолчала, но, повернувшись к преследователям, толпившимся на берегу, крикнула:

– Ыльчжи Мун Док – полководец, ниспосланный небом. Я прилетела сюда по приказу небесного царя. Поэтому вам лучше бросить преследование и вернуться восвояси.

Враги оторопели. Перед ними стояла самая настоящая фея в небесной одежде и охраняла полководца.

Ыльчжи Мун Док, опираясь на меч, смотрел в небо и, обращаясь к нему, в волнении говорил:

– Раз так сильна любовь народа к своей земле, страна будет процветать в веках.

– Человеческой силой нельзя покорить Когурё. Даже небо на стороне когурёсцев. Лучше прекратить преследование, – бормотали враги. Затем они вернулись к себе.

× ×

Ыльчжи Мун Док тем временем снова приступил к боевым операциям. Он применял самые неожиданные маневры и тактические уловки. Он навязал врагам затяжные бои и нанес им сокрушительный удар, когда у них кончилось продовольствие. Одновременно ополченцы ударили противника с тыла. Враг с позором отступал. Говорили, что у двух командиров ополченцев ноги похожи на оленьи. Их называют полководцами Рокчжок.

Вдова Рокчжок пришла к Ыльчжи Мун Доку и попросила его разрешить пойти к ополченцам и узнать, правда ли, что у командиров оленьи ноги. Полководец решил не рисковать жизнью немолодой уже женщины и пообещал направить туда кого-нибудь из подчиненных.

– Эти храбрецы, наверное, мои дети. Я пойду обязательно. Только мать может узнать сыновей.

И она отправилась к ополченцам. «Это мои дети. На свете не может быть других людей с оленьими ногами», – думала она.

Одна мечта вела ее через все препятствия – она хотела воочию убедиться, что славные ополченцы, герои, защитники Родины – ее родные сыновья.

Так она дошла до поля битвы и, наконец, встретила отряды братьев Рокчжок. Конечно, с первого взгляда она признала своих детей и сказала им, что ее прислал полководец Ыльчжи Мун Док и она пришла для того, чтобы выяснить – не ее ли сыновья братья Рокчжок, которых она вот уже двадцать лет ищет.

Она сняла туфли и показала братьям свои ноги, а потом попросила их разуться. Они тоже признали свою мать. У всех троих были оленьи ноги.

– Я горжусь вами, детки мои, – тихо сказала она.

Через 20 лет после горькой разлуки они встретились, наконец, на поле битвы в боях за Родину. Они крепко обнялись.

× ×

Мальчики спаслись тогда – 20 лет назад. Они доплыли в лодке до берега чужой страны и их приютил добрый человек. Он полюбил их, как родных. Долгие годы они обучались военному искусству и стали сильными и храбрыми.

За эти годы они никогда не забывали о милой родине, о боевых традициях Когурё, любимой матери.

И когда выросли, решили помочь своей стране делом. Как раз в это время началась война. Когурё было в опасности. Парни ушли в ополчение и, наконец, встретились с любимой матерью. Она была уже стара, но сколько душевного огня было в этой старой женщине!

Братья Рокчжок, объединившись с Ыльчжи Мун Доком, одержали огромную победу над врагом.

Старая мать снова вернулась в гору Тэсон и провела остаток жизни, разводя оленей.

ОСТРОВ РЫННА

Не одно столетие прошло с тех пор... Случилось на реке Тэдон большое наводнение. Вода не спадала несколько дней. Однажды на рассвете жители Пхеньяна увидели невероятную картину: на реке, у отвесной скалы Чхонню, вдруг появился большой остров.

– Как это могло случиться?! – спрашивали друг друга жители.

– Не может быть, чтобы такой большой остров вдруг появился из-под земли или приплыл откуда-то по реке...

Слухи об этом событии дошли до губернатора Пхеньяна. Сначала он не поверил этому, но узнав, что об этом судачат на каждом углу, направил подчиненных разузнать об этом получше. И вправду оказалось, что на реке, у скалы, как корабль у причала, расположился большой зеленый остров, тот самый, о котором все говорили. На острове были видны остатки домов и огородов, засыпанные песком, но посередине острова густо росли плакучие ивы, а в роще стрекотали цикады.

Рассказывали о таинственном острове повсюду. На берегу, напротив острова собралось много зевак.

А в это же самое время в городке Сончхон поднялась большая паника – там вдруг исчез остров, который находился посередине реки Пирю – притока реки Тэдон.

Куда мог деться такой большой остров?! Не может ведь куда-то уплыть такой гигантский кусок суши!

Уездный начальник Сончхона в гневе кричал: немедленно разыщите остров!

Местное начальство сбилось с ног в поисках пропавшего острова, но тщетно – он словно в воду канул.

Уездный начальник струсил, решив, что за пропажу острова с него семь шкур сдерут, потому что он отвечает за сохранность государственных земель. Переживал он еще и потому, что не успел содрать налоги с крестьян и рыбаков, исчезнувших вместе с островом.

«Странные дела творятся на белом свете!» – думали люди.

Жителям острова, приехавшим в Сончхон на базар и по делам, некуда было податься. Они проводили дни и ночи под открытым небом. Целые дни они со слезами на глазах бродили по берегу в надежде отыскать свой остров, но его не было видно, а слышался лишь грозный рев бешеной реки.

Среди оставшихся без крова был один молодой рыбак. В тот день, когда начался ливень, он пришел в городок, чтобы купить больной матери лекарства. А теперь он потерял и кров и мать. Голодный и промокший он шел по берегу по течению реки, падал, собравшись с силой, вставал и шагал дальше, думая о больной матери. Через несколько дней он добрался до отвесной скалы Чхонню.

Умолкли раскаты грома, небо прояснилось.

На берегу было людно и шумно. Парень подошел к людям и спросил, что случилось. Один из зевак на берегу указал на середину реки со словами: вон там из воды вынырнул остров, видимо, из-за ливня река вышла из берегов и на утро люди увидели необычное зрелище. Заодно и добавил, что вероятно разъяренный дракон реки Тэдон изрыгнул его из своей пасти.

Молодой человек увидел остров в волнах посередине реки.

Надеясь на удачу, он переплыл реку и очутился на острове. Но не было там уже ни полей, ни домов, ни огородов – все смыла вода. И дома своего он тоже не нашел.

В отчаянии он исходил весь остров в поисках того места, где стоял его дом. Но, увы, не было ничего, даже останков матери – одна засыпанная песком домашняя утварь.

Слезы иссякли и не текли из глаз – горе иссушило душу. Он только глядел в бесстрастное небо и бил кулаком в грудь.

Люди поняли, что это тот самый остров, который пропал в Сончхоне. Из реки Пирю его унесло в реку Тэдон и возле Пхеньяна прибило к берегу, у горы Моран. Все были поражены случившимся.

После того, как дожди унесли остров в реку Тэдон, жадный начальник Сончхона вспомнил о налоге.

Люди вновь заселили остров, начали восстанавливать дома, обрабатывать землю, собирать урожай. Уездный начальник не оставил это без внимания. Жителям острова приходилось нелегко, но им было безразлично, кому платить налоги – Сончхону или Пхеньяну. Но платить натуральный налог, таская продукты на спине из Пхеньяна в далекий Сончхон, им было не под силу.

Поэтому они попросили губернатора приписать остров к Пхеньяну, тем более, что остров обратно уплывать не собирался.

Губернатор приказал уездному начальнику Сончхона объявить, что остров приписан к Пхеньяну, но начальник пропустил этот приказ мимо ушей.

Конечно, приказ губернатора нужно было выполнять беспрекословно, но придворные чиновники с таким азартом грабили народ, набивая и без того тугую мошну, что в государстве все забыли о порядке. Поэтому и уездный начальник пренебрегал приказом губернатора. В этом мире любой, имеющий деньги, может купить должность чиновника.

Тогда губернатор Пхеньяна рассвирепел и потребовал немедленно перенести остров обратно в Сончхон, чтобы соблюсти правопорядок. Уездный начальник Сончхона грабить народ мог, но перетащить на спине такой большой остров – не мог.

Поэтому, в конце концов, остров приписали к Пхеньяну. Из-за гусиной шелковистой травы и плакучих ив его прозвали остров Рынна, что значит шелковый.

ЛЕГЕНДА О ВАНСОНТХАНЕ

Это было давно, когда страна называлась государством Когурё. Время было неспокойное, на корейскую землю часто нападали враги.

В этот раз вражеские солдаты уже топтали землю за рекой Тэдон, собираясь захватить Пхеньянскую крепость. Но защитники крепости решили любой ценой отстоять свою землю.

Врагов было больше, чем защитников крепости, поэтому нападающие не спешили, собираясь победить стойких защитников долгой осадой.

Внезапно начались ливни и река Тэдон вышла из берегов. Врагам не удалось переправиться через реку и они решили дождаться времени, когда спадет вода. Чтобы хоть как-то скрасить ожидание, они устраивали пирушки с попойками, побросав оружие.

Между тем, защитники крепости усердно готовились к военным действиям, чистили и приводили в порядок оружие. Они решили первыми напасть на врага, пользуясь легкомыслием зазнавшихся оккупантов. Но и они не могли переправиться через реку, потому что вода не спадала. Это печалило храбрых воинов.

Был среди защитников крепости молодой солдат по имени Ван Сон. Не раз он проявлял чудеса храбрости и не боялся смерти. В крепости жили его родители и любимая жена.

Он понимал, что грозит мирным жителям, и рассуждал здраво: «Если мы будем сидеть сложа руки, враг нападет на нас первым. Ожидание порождает неуверенность. Надо спешить. Иначе мы не сможем переправиться через реку и разгромить врага. Надо переплыть реку. Я умру, но воины обретут мужество, боевой дух поднимется и они решительно вступят в бой и уверенно разобьют врага за рекой».

И он решил своим примером увлечь всех воинов.

– За мной, храбрецы! Не будем ждать, пока спадет вода, – крикнул он и бросился в бушующие волны.

Ван Сон мужественно боролся со стихией, но река была слишком широка, а волны бушевали все сильнее и сильнее, пока одна волна не накрыла его с головой. Люди видели, как погиб смельчак.

– Его смерть послужит нам примером! – кричали воины.

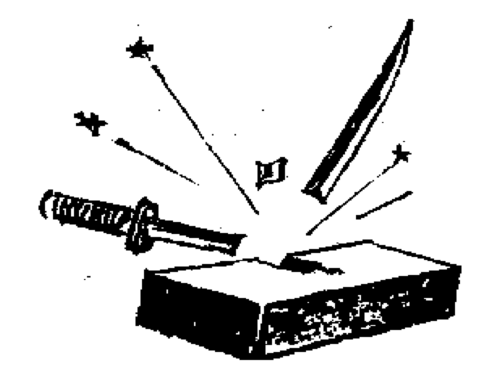
На рассвете следующего дня буря на реке утихла, воды поубавились, а там, где переплывал реку Ван Сон, выступили камни отмели.

– Это Ван Сон указал нам место брода! Это его душа открыла нам путь! – кричали воины Когурё.

Они перешли реку по камням и ринулись на Тондэвонскую равнину. Противник был смят под натиском храбрых защитников крепости. Уцелевшие враги с позором бежали.

С тех пор то место, где погиб мужественный Ван Сон, стали называть люди Вансонтханом.

Коралловые кирпичи Анхакского дворца

В то время правители Когурё перенесли свою столицу в Пхеньян и начали строительство Анхакского дворца у подножия горы Тэсон.

Для сооружения дворца со всех концов страны согнали каменщиков, столяров, штукатуров, гончаров и прочих ремесленников.

Новый дворец строили долго. У этого дворца, наверное, каждый гвоздь пропитан кровью невинных и каждая черепица может поведать о трагедии.

Центральный коридор дворца вымощен кирпичами красивого кораллового цвета. Они могли бы поведать одну очень печальную историю. По этим кирпичам проходили тысячи ног в подкованных сапогах, но они и теперь выглядят, как новенькие.

Их обжег знаменитый гончар Иса Дар. Сын придворного раба-гончара, он многие тайны своего ремесла постиг, работая рядом с отцом.

Властителю пришло на ум выложить пол в широкой галерее, ведущей во все покои дворца, чистым кораллом. Затем выстлать красным кораллом дорожки к павильонам и беседкам. Но таких запасов коралла в казне не было и решили выложить пол кирпичами кораллового цвета.

Чиновник, отвечающий за строительство королевского дворца, поручил это дело Иса Дару:

– Как только мы закончим строить дворец, ты должен будешь устлать галлерею кирпичами кораллового цвета. Если ты не уложишься в срок, обрубим голову, а успеешь, выполним твое сокровенное желание.

Иса Дару тогда было тридцать лет, он был холост и мечтал стать свободным и жениться на придворной служанке Но Ыр.

Семьи жили по соседству на берегу реки Тэдон, близ дворца. Подросший Иса Дар стал кирпичником, унаследовав от отца профессию, а Но Ыр забрали во дворец служанкой.

Даже под крышей дворца они не могли видеться. Если кто-нибудь узнает об их любви, их казнят. Иса Дар был рабом, а рабам разрешено только трудиться до самой смерти.

Но Ыр, слыша придворную музыку, болезненно морщилась, она ей казалась назойливее стрекотания цикад на иве возле реки Тэдон, где они в детстве вместе играли.

Иса Дару ветхая хибарка возле реки была милее роскошных покоев дворца...

Долго ломал голову гончар, соображая, как застлать длинный коридор дворца коралловыми кирпичами. Он понимал, что от успеха этого дела зависит судьба его самого и любимой Но Ыр. Они могли бы стать свободными и пожениться. Иса Дар исходил всю страну вдоль и поперек, пробовал обжигать всевозможные сорта глины, добавляя в материал то песок, то уголь, то медь, пробовал глазури.

Но коралловый цвет все не получался.

Не раз в отчаянии он смотрел на настоящий коралл чарующего цвета, добытый в далеком море.

Минуло десять лет с того дня, когда Иса Дар приступил к работе. Тысячи раз он лепил и обжигал кирпичи, но все было зря.

Он бил себя кулаками в грудь, глядя на небо. Голова его уже серебрилась сединой, сам он сморщился и постарел за эти годы.

Но Ыр, тем временем, томясь во дворце, порой тихонько плакала. Она не замечала пышных цветов дворцового сада, виртуозного пения соловьев в листве или пышного багрянца осени. Подставляя пылающие щеки под бесшумные хлопья снега, она вспомнила о лепестках абрикосов, которые она в детстве с Иса Даром ловили в ладони на берегу реки Тэдон. Ее не радовала роскошь платьев, звон дорогих украшений и тонкий запах изысканных блюд дворцовой кухни.

Узнав, что Иса Дар бессчетное количество раз обжигал кирпичи безуспешно, она с болью думала о его каторжном труде и еженощно тайком молила бога о помощи.

Но бог не слышал молитвы бедной служанки и кирпичи не получались того цвета, который был заказан.

За десять лет Иса Дару удалось обжечь кирпич темно-красного цвета, но не коралловый. В отчаянии Иса Дар ударил себя в грудь кирпичом. Досада изнуряла его сердце. Неустанно отыскивая секрет коралловой керамики, гончар понял, что создание таких кирпичей дело не только его одного, но и всех мастеров, которые должны своими талантами прославить Когурё.

Глядя на своих товарищей, он чернел от горя.

Тем временем пришла пора вымостить кирпичом коридор дворца.

Чиновник, отвечающий за постройку дворца, призвал мастера и приказал показать кирпич. Иса Дар выложил перед ним темно-красный кирпич.

– Разве это коралловый цвет?! Ты хочешь умереть? Я не шучу! – кричал разгневанный чиновник.

– Я сделал все, что мог, за десять лет я тысячи раз обжигал кирпич и, наконец, получил этот цвет, – не без гордости сказал он чиновнику, показывая кирпич. – Вместо кораллового кирпича я приобрел седину.

– Сейчас же отрубите этому негодяю его дурацкую башку, – не желая ничего слушать, кричал чиновник.

Иса Дара повели на казнь. Жестокий чиновник приказал собрать на это жуткое зрелище всех слуг из дворца. Он хотел дать всем понять, что ожидает тех, кто ослушается приказа начальства.

Ему боялись перечить, ибо один из знатных вельмож королевства был его покровителем.

К месту казни согнали гончаров, столяров, каменщиков, кузнецов, ювелиров, всю прислугу и дворцовую челядь. В толпе стояла и Но Ыр. Услышав приговор, она потеряла сознание. Ее любимый гордо стоял перед палачами. Напрасны были ее молитвы.

Палач подошел к Иса Дару с обнаженным мечом в руке. Он стал искать глазами в толпе служанку Но Ыр, но ее нигде не было видно.

«Неужели нам суждено навеки расстаться именно сейчас!» – с горечью подумал он и закрыл глаза.

– Хочешь ли ты перед смертью сказать что-нибудь людям! – громко крикнул чиновник, отдавший приказ о казни.

Иса Дар поднял над головой красный кирпич и сказал: «Слушайте меня! Смотрите на меня! Десять лет я бился над созданием этого красного кирпича – волосы мои побелели, а кирпич обагрился кровью моего сердца».

Услышав эти слова, Но Ыр очнулась. Шатаясь от пережитого, она шагнула к месту казни. В это время один гончар, который все эти десять лет трудился бок о бок с Иса Даром, вышел из толпы и встал рядом. Он крикнул:

– Убейте и меня! Если Иса Дар погибнет, мы будем вместо него искать рецепт кирпича кораллового цвета! Но у нас нет и доли тех знаний и таланта, которыми обладает Иса Дар. Лучше уж умереть здесь вместе с ним, чем ждать неминуемой смерти.

Вслед за ним из толпы вышли и остальные гончары с криком: «Убей и нас». А потом потянулись каменщики, столяры, кузнецы и ювелиры.

Ошеломленный начальник попятился и заорал: «Гони в шею всех этих негодяев и скорее кончай дело!»

Палачи стали разгонять людей. Поднялась паника. В этот миг палач вскинул меч и с размаху опустил его на шею гончара. Толпа ахнула. Но голова Иса Дара не упала с плеч, со звоном разлетелся меч палача.

Это Иса Дар заслонил шею от удара кирпичом.

Сверкнул меч второго палача и, как и первый, разлетелся на куски. И на этот раз кирпич защитил шею своего создателя. На кирпиче не было видно ни царапины.

В это время среди придворных началась суматоха. В тот момент, когда над головой Иса Дара сверкнул меч, голова Но Ыр мгновенно стала седой. Шум нарастал. Казалось, вот-вот вспыхнет бунт.

Помощник начальника трусливо шепнул начальнику на ухо: «Если казнить Иса Дара, начнется бунт. Надо отпустить его на волю».

– Будь по-твоему, – злобно буркнул начальник и быстро ушел.

Таким образом Иса Дар был спасен и от смерти и от рабской кабалы.

Поседевшую Но Ыр выгнали из дворца. Они вернулись в родное село.

Увидев Иса Дара, который идет целый и невредимый по берегу реки Тэдон, она бросилась к нему.

– Иса Дар! – вскрикнула она и, как подкошенная, упала к его ногам.

– Но Ыр! – потрясенно отозвался Иса Дар и поднял ее с земли.

Во дворцовой неволе они так и не смогли увидеться ни разу, хотя жили под одной крышей. Они заплакали.

Больше десяти лет они жили в неволе. Пролетела молодость, головы поседели.

И вот идут они по знакомому берегу родной реки в деревню, где прошло их детство.

Наступила запоздалая весна любви, долгожданная свобода озаряла лица двух немолодых людей.

Красные кирпичи, которые порой находят на руинах Анхакского дворца, были изготовлены полтора тысячи лет назад, но время над ними не властно.

Легенда о братских прудах

Когда страной правила династия Ли (1392 – 1910), крестьянские волнения были особенно частыми. В окрестностях Пхеньяна то и дело происходили стычки крестьян с помещиками и приспешниками местной знати.

Недовольные крестьяне уходили в горы Тэсон и оттуда совершали дерзкие вылазки на усадьбы богачей и дома чиновников.

Среди крестьян особенно уважаемы были два брата – старший Тхэ Габ и младший Тхэ Ыр. Это были настоящие богатыри и храбрецы, но славились они и добротой и великодушием.

Отец их был бедным пахарем. С детства братья помогали отцу в поле, поднимали каменистую пустошь.

Старший был так силен, что мог поднять в воздух вола, а младший был проворен и мастерски владел

оружием. Братья слыли отменными мастерами в борьбе «сирым».

Отца их, по навету чиновников, обвинили в неповиновении и казнили. Скудный надел и вола взяли в казну. Этого вола когда-то получил на празднике Тхэ Габ за то, что был первым в борьбе «сирым». Земля была скудной и за каждый колосок, рожденный ею, приходилось кланяться до седьмого пота. Каменистая пустошь давала урожаи только благодаря нечеловеческим усилиям отца и братьев. Но вот, когда все камни с поля были убраны, земля вздохнула, поле заколосилось, пришли податные чиновники, землю отняли, а отца убили. И вола, которого выиграл на празднике тано однажды весной Тхэ Габ, тоже увели со двора. А как радовался отец, когда сын привел во двор могучее животное, как он, напевая, украсил его шею колокольчиком, с какой радостью выходил с волом на пахоту. Сыновьям казалось, что отец молодел в работе.

Никогда не забыть братьям, как теплели у отца глаза, когда он смотрел на них, возмужавших, окрепших, как разговаривал он с ними о насущных делах.

Но отец погиб и обида в сердце не пройдет. Сжав гневно кулаки, пошли они к восставшим крестьянам.

– Положитесь на нас, – говорили братья. – Мы покажем вам путь к канцелярии губернатора, мы поможем вам разгромить ее и сами будем первыми.

Так они просили вожака восставших крестьян. И он принял их в свое войско.

Лидер восстания, разговаривая с братьями, опустил натруженную руку на плечо старшего и сказал:

– Здесь нет ни единой души, которая не таила бы кровной обиды на угнетателей. Но мы не просто погромщики, мы сражаемся за правое дело. Ради этого

общего дела нужно усмирить гнев и обиду. Сначала научиться сражаться, чтобы спасти от всех обидчиков страдающий народ.

И братья начали обучаться военному делу. До седьмого пота учились они владеть оружием.

Кроме могучей силы и природной ловкости у братьев был музыкальный дар. В минуты отдыха играли они на флейте и свирели. И под музыку повстанцы мечтали о ратных подвигах.

– Когда вы успели научиться так прекрасно играть? – спросил один из повстанцев.

Старший промолчал, крепко сжимая рукой флейту, опустив голову. Младший ответил за него со слезами на глазах:

– Когда убили нашего отца, чтобы гнев не прорвался наружу, мы начали играть.

И те, кто их слушал, поклялись в душе до последней капли крови мстить угнетателям. Горе братьев стало и их горем.

Над вершиной Чучжак плыла полная луна, озаряя глухие ущелья горы Тэсон. Печальная мелодия будила спящее пространство, словно голоса повстанцев, полные гнева и жажды мести.

Братья были отзывчивы и добры. Если кто-то из повстанцев хворал, они ухаживали за ним, как за родным, а в морозы отдавали более молодым свои ватники.

Однажды повстанцы узнали горькую новость: десяти их собратьям, вступившим в схватку с врагом, не повезло. Их схватили и заточили в пхеньянскую тюрьму.

Восставшие собрались на совет. Надо было спасти узников из тюрьмы, необходимо напасть на тюрьму и

выручить своих друзей. А для этого нужно послать кого-то на разведку в крепость. Вызвался Тхэ Ыр.

Он оделся торговцем дровами, прихватил вязанку хвороста и проник в крепость. Разузнав все необходимое, он благополучно вернулся в свой лагерь.

А узнал он вот что: через несколько дней, в весенний праздник тано перед павильоном Рёнгван будет проводиться соревнование по борьбе «сирым». Прибудет сам губернатор. После окончания игры на этой же площади казнят схваченных повстанцев.

То, что узнал старший брат, было необыкновенно важным для дальнейших действий повстанцев.

Было решено в день тано послать Тхэ Габа на площадку для «сирым», а младший брат тем временем спрячется вблизи павильона и, пока первый будет участвовать в соревновании, второй должен расправиться с губернатором, а отряд повстанцев должен ворваться в губернаторскую канцелярию, затем захватить тюрьму и спасти заключенных.

План был задуман блестяще. Но судьбе было угодно расстроить его. Губернатора срочно отозвали в Сеул и прислали ему смену другого человека. Состязание должны были отменить.

Ситуация резко изменилась и осложнилась. Братья выступили вперед и сказали:

– Мы обязаны любой ценой спасти наших друзей. Дайте нам выполнить свой дерзкий план. Наш долг спасти несчастных от лютой смерти даже ценой собственной жизни.

– Ваша отвага и решимость похвальна, но вдвоем вам не справиться с таким делом, – ответил командир.

– Но лучше потихоньку проникнуть в крепость вдвоем, чем целым отрядом. Кстать сегодня должны

устроить пир для бывшего губернатора. Мы не можем упустить такой подходящий момент, – настаивали братья.

В конце концов они уговорили командира и он послал их в крепость. Братья перескочили через крепостную стену и подкрались к тюрьме. Метким ударом сабли сняв стражника, проникли внутрь и освободили узников. Они были еще очень слабы после перенесенных пыток, но проливали благодарные слезы и благословляли храбрецов.

Пришлось перетаскивать ослабевших людей через стену. Братья старались изо всех сил. Самых слабых тащили на спине. Нужно было торопиться – повстанцы ждали за стеной и могли заметить происшествие губернаторские стражники.

Так оно и случилось. На шум сбежались десятки солдат из губернаторской охраны. «Стойте, стойте!» – орали они.

Пока старший перетаскивал через стену одного за другим спасенных людей, младший ловкими ударами сабли рубил головы охранникам губернатора. Потом и старший схватил саблю и стал крушить направо-налево врагов. Вокруг уже валялось штук двадцать трупов.

А из дворца летели звуки музыки и слышались голоса продажных певичек. Пир был в разгаре. Гнев закипел в сердце Тхэ Ыра.

– Оставайся здесь, брат, добивай остальных, а я пойду и отсеку голову губернатору, – сказал младший. И он побежал в сторону канцелярии губернатора.

Но когда он ворвался с саблей наголо в залу, там уже никого не было, все гости дали тягу. Оказалось, один из охранников, сражавшийся у крепостной стены с братьями, позорно бежал раненый с поля битвы и донес

губернатору, что два невиданных богатыря открыли тюрьму, выпустили на волю узников и теперь собираются напасть на канцелярию. В ужасе губернатор удрал. Тхэ Ыр, разочарованный исчезновением своего лютого врага, вернулся к старшему брату, который вел неравный бой с многочисленными охранниками губернатора.

– Получайте, недруги! – размахивая саблей, кричал Тхэ Ыр. От ударов его сабли замертво падали сразу несколько солдат. Но их число росло, а братья уже устали.

– Братец, прыгай через стену, я задержу их, я с ними сам справлюсь! – кричал младший.

– Нет, нельзя мне – беги ты и доложи командиру, что охрана крепости ничтожна и можно напасть хоть сегодня вечером, – отозвался старший.

Но, увы, было поздно. Старший брат был тяжело ранен и младший получил опасное ранение. Тем временем враги напирали. Их число росло. Братьев окружили плотным кольцом, но они продолжали драться с неистовой силой.

– Это вам за нашего отца!

– Это вам за наш бедный народ! – кричали они, размахивая саблями. Головы врагов летели как капустные кочаны.

Но силы были неравны. Братья сражались, истекая кровью. Алая кровь обагряла землю вокруг. Скоро их силы иссякли и оба они погибли в неравном бою. Такова была воля рока.

Смельчаки с горы Тэсон погибли как герои.

Скорбная весть о гибели братьев достигла лагеря повстанцев. Ненависть переполняла их и они изо дня в день готовились к решающей битве.

Собравшись на том самом месте, где братья любили играть по вечерам на флейте и свирели, они поклялись отомстить за них.

Братья погибли, но молва сохранила светлую память о них, грозных, как тигры, и добрых с близкими друзьями.

Говорят, что на том месте, где пали они в неравном бою, образовались два пруда – один большой, а другой поменьше.

Люди называют их братскими прудами.

Говорят также, что сначала вода в прудах была так солона от пролитых повстанцами слез и горячей крови, что там не могли даже жить рыбы.

ВОРОНЬЯ МЕЛЬ

Было это давно, во время Имчжинской войны (1592 – 1598).

Войска самураев дошли до берега реки Тэдон и разбили лагерь в Восточном Пхеньяне напротив острова Янгак. Они хотели переправиться через реку и напасть на Пхеньянскую крепость, но страх останавливал их. Они боялись мужественных защитников крепости и не знали, где лучше перейти реку вброд.

Дело шло к вечеру. Вдруг прилетела воронья стая и опустилась на небольшую отмель вблизи острова. Воронье подняло невообразимый гвалт.

– Не к добру это, – говорили жители. – Неприятель узнал, где реку можно переходить вброд. Теперь уже самураи непременно нападут на нас к ночи.

А самураи, тем временем, собравшись у отмели, начали вбивать в речной песок длинные бамбуковые шесты – ориентиры. Становилось ясно, что вороны показали врагам место брода.

– Понятно, что враги воспользуются случаем и непременно перейдут реку, – кричали воины, ремесленники, простой люд. – Нам надо вооружаться.

А тут еще одно странное событие. Когда закатные лучи коснулись водной глади, какой-то монах в черной, как вороново крыло, рясе шел подпрыгивающей походкой по мели, там, где недавно сидели вороны.

– Что же это еще такое?!

– Может быть, этот монах – вражеский лазутчик?

Надо схватить его! – с возмущением переговаривались они между собой.

Но черный монах преспокойно переходил реку вброд. Когда он был уже на середине реки, поднялся сильный ветер и принес туман. Реки Тэдон не стало видно из крепости.

Пришла ночь.

Внутри крепости воины заняли боевые позиции, ожидая нападения врага. Но в кромешной темноте туманной ночи ничего не было видно и слышно. Забрезжил рассвет, постепенно рассеялись тучи и плотный туман, река тускло заблестела под восходящим солнцем. Ветер еще носил над волнами редкие клочья тумана.

Именно в это время самураи бросились в реку.

Но странная картина! – Они вошли в воду совсем не там, где вчера переходил вброд реку монах, а по самому глубокому месту. Многие уже барахтались в воде, пытаясь выбраться на берег, но тяжелые доспехи тянули на дно.

Видя это, защитники крепости обрушивали тучи стрел на голову врага. Самураи, переправлявшиеся вброд в глубоком месте, тонули вместе с оружием. В войске началась паника и оно вернулось на берег, не рискуя больше соваться в воду.

Странно, рассуждали люди, почему это враги стали переходить реку совсем не в том месте, где положено, где сидела стая ворон, а разведчики вбили столбы, чтобы солдаты шли по вехам?

Пленные самураи впоследствии говорили, что они ориентировались именно по этим столбам, но кто-то тайком переставил их в глубокое место, поэтому столько самураев утонуло.

Только тогда поняли люди, что этот странный монах и переместил столбы в глубокое место.

Никто не знал, откуда он взялся и кто его послал.

В те времена монахи объединялись в «Армию справедливости» и воевали против иноземцев.

Наверное, он и был членом такой армии.

С тех пор это место на реке называется «вороньей мелью».

Спасенная слива

В давние времена жила в Пхеньянской крепости девушка по имени Ре Ок. Мать у нее умерла, отец состарился. Жили они бедно.

Больше всего на свете Ре Ок любила цветы, а самым любимым ее цветком был цветок сливы. Отец хорошо понимал нежную душу дочери и берег пуще глаза сливовое деревце на заднем дворе.

Дерево было уже старое, но по весне расцветало первым и так благоухали его цветы, что скромный домик отца был наполнен ароматом. Ре Ок любила сливу, как сестру.

Но случилось так, что из королевского дворца пришел приказ вырубить все сливовые деревья в стране. Цветок сливы был похож на цветок, изображенный на королевском гербе. Поэтому держать сливовые деревья было разрешено только членам королевской фамилии.

Во все уголки страны были разосланы чиновники с приказом об уничтожении всех сливовых деревьев. Не был этот приказ исключен и для Пхеньянской крепости.

Услышал об этом отец Ре Ок и с грустью сказал дочери: – Видно, пришел конец твоему любимому деревцу, доченька. Тех, кто не пожелал срубить деревья в своих садах, сослали и даже казнили лишь за то, что они не подчинились королевскому приказу.

Ре Ок, прижавшись к отцу, спросила: – Папа, кому пришло в голову приказать срубить эти красивые деревья? Кто хочет превратить страну в печальный край, где не расцветет по весне ни одна слива?

Ничего не ответил отец дочке, только печально голову повесил.

– Папочка, я лучше умру. Но не позволю срубить нашу сливу!

Со слезами на глазах Ре Ок выскочила из дому во двор, где укрытая пушистым снежным одеялом дремала ее слива.

– Мы с тобой росли вместе, я люблю тебя, а ты цветешь для меня! Милая слива, я буду спасать тебя даже ценой своей жизни! – шептала девушка, обнимая ствол дерева.

Слива, словно из благодарности, осыпала на непокрытую головку Ре Ок хлопья снега, точно белые лепестки.

Отец понимал горе дочери и, чтобы хоть как-нибудь спрятать сливу от посторонних глаз, он прикрыл ее рогожей, понимая, что такое укрывательство может стоить ему жизни.

Чиновники рыскали по дворам. Они всюду искали сливовые деревья. Соседи, зная о нежной привязанности девушки к своему деревцу, тщательно скрывали, что у нее во дворе растет слива.

Когда чиновники постучались в дом к отцу Ре Ок, они сказали: – в этом доме живет бедный старик с дочкой, им не до цветов. А сейчас их нет дома.

Так уцелело сливовое деревце во дворе у девушки. Наверное, это было последнее сливовое дерево в стране. Жители Пхеньянской крепости спасли его от гибели.

Однако все тайное когда-нибудь становится явным. Кто-то донес на Ре Ок. В дом ворвались чиновники, присланные из Сеула.

Они обнаружили деревце под рогожей на заднем дворе. Однако чиновникам не удалось и на этот раз погубить дерево.

Находчивый старик ответил разгневанным блюстителям порядка, что у него во дворе никогда не росла слива, а деревце, которое приняли за сливу, – всего-навсего абрикос.

В самом деле, только садовод может отличить зимою сливовое деревце от абрикосового, к тому же оно было засыпано снегом и чиновники, которые, конечно, не оставили своих подозрений, не смогли срубить дерево.

– Мы знаем, что это слива с белыми цветами. У нас еще есть время. Подождем до весны и если ты обманул нас, то мы казним и тебя и твою дочку, – заявили чиновники и удалились в крепость – во дворец губернатора.

Беда прошла стороной, но старик с дочерью пригорюнились: никогда белая слива не зацветет розовыми цветами абрикоса.

Остались старик с дочкой ждать большой беды. Конечно, они могли покинуть дом, но хотелось в последний раз увидеть, как цветет белоснежными цветами нежно пахнущая слива.

– Не миновать вам беды, – говорили соседи. – Так устроен мир, что людям не дают любить даже цветы!

Конечно, всем было очень жалко девушку и ее отца.

Скоро зацветет слива и придет конец ей и юной Ре Ок.

Природа не знает людских печалей. Пришла весна, набухли почки на сливовом деревце и день ото дня все ближе подходила пора цветения.

«Скоро распустятся белые цветы и я увижу их в последний раз. Пусть я умру, но какое горе, что на нашей земле никогда не зацветут сливы!» – со слезами на глазах шептала Ре Ок, обнимая шершавый ствол.

Была тихая весенняя ночь. Бесшумно падал последний снег, так похожий на цветение.

«Слива моя, сестра моя, единственная в мире красавица, прошу тебя зацвести этой весной розовыми цветами!» – умоляла девушка, обнимая дерево.

«Ах, цветок сливы!»

Набухшие почки, наконец, стали лопаться. Ре Ок боялась смотреть на распускающееся деревце и даже закрыла глаза.

А дерево уже заблагоухало, сообщая всем вокруг о своем пышном цветении. Не выдержала Ре Ок – открыла глаза.

– Ах! Розовые цветы! Цветы абрикоса!.. Папа! – закричала она и бросилась к отцу, который лежал в доме, повернувшись лицом к стене, и уже не ждал ничего хорошего.

– Папа, наша слива превратилась в абрикос!

– Что-о?!

Седой старик бросился к сливе, заплакал, прикоснувшись к розовым лепесткам.

«Спасибо тебе, слива!»

Узнав, что дерево во дворе у Ре Ок расцвело, явились чиновники.

– Напрасно потеряли время! – рассвирепели они, глядя на розовые цветы.

«Благодарю тебя, моя слива!» – плакала от радости Ре Ок, обнимая единственную уцелевшую сливу. И слива, словно благодаря свою бесстрашную спасительницу, цвела вовсю и наполняла воздух незабываемым ароматом.

Полководец Свэ Мэ

Две тысячи лет тому назад в селении под названием Сольгыныр, близ Пхеньянской крепости жил-был молодой кузнец »по имени Свэ Мэ.

Когда ему минуло 16 лет, его забрали в солдаты и отправили на далекую границу. Прощаясь с домом, он зашел в кузницу, где он с детства привык рабо тать. Он был умелым кузнецом и мог выковать кирку, топор, мотыгу, серп, плуг и даже меч и наконечник копья. Подошел он к наковальне, погладил рукоятку молота.

Свэ Мэ рано осиротел и рос в доме дяди-кузнеца, у которого была дочь Пон Сон. Не хотелось парню уходить из дома, но для защиты родной земли он бы пошел на смерть.

Поклонившись добрым родителям Пон Сон, он направился к выходу.

Дядя очень любил Свэ Мэ и обучил его грамоте вместе с Пон Сон. Напутствуя юношу, он велел ему служить верой и правдой.

Пон Сон, провожая любимого, обещала ждать его возвращения и сказала, что будет все три года и еще три месяца прясть ежедневно по одному мотку пряжи и шить ему одежду.

Тронутый таким вниманием Свэ Мэ тронулся в путь.

Пон Сон и Свэ Мэ были воспитаны отцом людьми честными. Если уж они давали слово, то непременно выполняли. С того дня Пон Сон пряла нить и наматывала ее на катушку.

Прошел год. Однажды мимо села проезжал чиновник со свитой. Кортеж остановился у околицы.

Это был известный богач Ким Док Гу, живший вблизи Пхеньянской крепости. Этот злодей пользовался расположением одного вельможи Пхеньяна и был известен своей жадностью и жестокостью. От его поборов и набегов постоянно страдали местные жители. Его слуги и помощники рыскали в поисках наживы не только в окрестностях усадьбы, но и в отдаленных уголках страны. Если кто-нибудь позволял себе ослушаться его, он расправлялся со всей жестокостью, свойственной людям такого рода.

В тот злосчастный день, проезжая мимо села, он случайно увидел Пон Сон, идущую от источника с кувшином воды на голове, и остановил лошадь. Девушка ему понравилась. Он тут же вызвал отца девушки и велел ему немедленно прислать ее в свою усадьбу. Ким Док Гу начал расписывать будущее Пон Сон, пообещал, что она поживет в усадьбе в роскоши, а потом станет младшей женой видного вельможи. Злодей рассчитывал погреть руки, послав красивую девушку наложницей к вельможе.

Отец отказался отдать единственную дочь, но богатей и слышать ничего не хотел. Пока он уговаривал родителей, стало ясно, что в семью пришла большая

беда. Ким Док Гу пообещал прислать своих слуг за дочерью кузнеца. Мать в ужасе от случившегося слегла в постель, отец потерял покой и аппетит.

Через некоторое время за дочерью пришли слуги из усадьбы. Они сказали, что семья Пон Сон получит выкуп деньгами и продовольствием, если повинуется приказу, в противном случае будет плохо.

Пользуясь покровительством властей, Ким Док Гу без разбору хватал простолюдинов, которые ему не повиновались, тайком убивал их или бил батогами до полусмерти и бросал в тюрьму.

Зная это, родители Пон Сон все равно сопротивлялись, отказываясь отдать дочь. Они умоляли оставить ее, единственную опору семьи, невесту парня, ушедшего на военную службу. Как жить простым людям и на кого надеяться?

Слуги грубо отшвырнули и избили отца, пнули упавшую перед ними на колени мать, которая в отчаянии вцепилась в ручки паланкина, увозившего дочь.

– Лучше я умру, но не стану игрушкой двуногих зверей. О, несчастная моя доля! – причитала девушка. – Знал бы об этом Свэ Мэ, стоящий на страже!

Пон Сон, которую силой оторвали от родного дома, была посажена в одинокую каморку на заднем дворе усадьбы Ким Док Гу, словно пташка в клетку.

К ней приставили старуху-служанку для услуг, а богатей уламывал девушку: «Пока ты еще не подросла, будешь жить в моем доме, а подрастешь, будешь жить во дворце в роскоши».

Но он так и не смог склонить девушку перейти жить в его дом. Она вела себя достойно, ее глаза сверкали гневом.

«Ах, до возвращения Свэ Мэ остается еще два года и три месяца. А когда вернется, как смогу я встретить его?! Мне бы дожить до того часа, рассказать все о своей беде, а потом я смогу и умереть спокойно», – думала она.

С одним только желанием дождаться жениха Пон Сон, несмотря на все страдания, каждый день пряла нить, как обещала Свэ Мэ.

В надежде склонить ее к измене Ким Док Гу дарил ей шелковые одежды, драгоценные украшения и безделушки, но все было тщетно.

К счастью, старуха-служанка оказалась сердобольной, она сочувствовала бедной затворнице и помогала ей тайком. Она даже подбадривала ее, говорила, что надо быть стойкой и что злодеям непременно придет конец.

Так незаметно прошел еще один год заточения и Пон Сон уже спряла семьсот двадцать катушек. Прошли тягостные дни, которые тянулись долго и мучительно. Наконец, девушка начала ткать из спряденных нитей.

Добрая старушка принесла тайком ручной ткацкий станок. Время от времени она передавала Пон Сон весточки о семье. Конечно, у ней не хватило бы смелости сказать девушке, что мать ее сошла с ума, потеряв дочь, что отец ее, пришедший в дом Ким Док Гу с молотом освобождать дочь, был убит на пороге и выброшен на улицу. Старуха тайком от Пон Сон утирала слезы и горько сетовала на судьбу.

Пон Сон день и ночь ткала одежду для суженого. Слыша мерное постукивание станка, Ким Док Гу радовался, думая, что, скорее всего, Пон Сон передумала сопротивляться и сейчас ткет свадебные одежды.

А старуха-служанка все подсказывала злодею, что пока нужно оставить девушку в покое. Тот соглашался.

Наконец, Пон Сон окончила ткать ткань и начала шить одежду для Свэ Мэ. Она мечтала, что одежда сможет предохранить суженого от копья, стрелы и меча, как настоящая кольчуга. Она представляла себе, что в этой одежде Свэ Мэ станет непобедимым богатырем и сможет расправиться со всеми злыми силами на свете.

Вот прошло три года и три месяца. Когда она сделала последние стежки, вернулся Свэ Мэ. В далеком суровом краю согревала его сердце лишь надежда на встречу с Пон Сон. Но на родине его ждала страшная весть: Пон Сон силой увезена в дом злодея Ким Док Гу, отца ее убили его слуги, а мать сошла от горя с ума.

Свэ Мэ сжал от горя кулаки. Гнев закипел в его груди. Взяв свой молот из кузницы, он бросился ночью в дом Ким Док Гу. Но высокие ворота были на запоре, а вдоль ограды ходила стража. Правда, его встретила старая служанка, которая неотлучно находилась при Пон Сон. Та подробно рассказала ему все, что случилось с девушкой и ее семьей. Юноша задрожал от гнева. Старуха тайком передала ему сшитую и сотканную нежными ручками Пон Сон одежду и сказала:

– Пойми состояние девушки, которая не может встретиться с тобой после долгих лет разлуки и должна томиться в заточении. Пойми и меня, у меня дети... Спаси свою невесту Пон Сон, стать настоящим богатырем, которому не страшны ни огонь, ни копье. Говорят, что в ущельи возле горы Тэсон живет мудрец О Хак, который обучает воинов в совершенстве владеть оружием. Он научит тебя всему. Иди к нему, закаляй свои богатырские силы. Богатырями не рождаются – ими становятся. Ты знаешь, чего ждет от тебя твоя невеста. В одежду вшила Пон Сон письмецо для тебя. Прочти его.

И не забывай свою стойкую нареченную ни днем ни ночью.

В это время послышались шаги и они замолчали, чтобы никто не расслышал, о чем идет речь. И отправился Свэ Мэ в горы...

× ×

Седобородый мудрец О Хак несколько раз перечел письмо Пон Сон, которое принес ему Свэ Мэ.

Я пряла эту пряжу
Долгие дни и ночи,
Я душою с тобой,
А кончик нити – со мной.
А теперь ты – в кольчуге,
Политой слезами и гневом,
Выше молот свой ты
За народ поднимай!

Мудрец в глубоком раздумьи закрыл глаза, словно не слыша слова Свэ Мэ, который умолял его научить всему, что помогло бы отомстить за семью Пон Сон.

– Почему вы молчите? Я готов умереть, но сначала отомщу обидчику. Это мой святой долг.

Но О Хак продолжал молчать. Только глубокой ночью он неожиданно задал вопрос:

– Как живут люди на границе, где ты служил?

– Они живут в настоящем страхе за жизнь, ожидая нападения врага.

– Счастливы ли простые люди повсюду, где бывал ты?

– Нет, оскорбляемые, униженные, ограбленные богатеями они живут в слезах и нищете.

– Как понял ты слова из письма своей невесты?

Мудрец О Хак вернул парню письмо Пон Сон.

… …
А теперь ты – в кольчуге,
Политой слезами и гневом,
Выше молот свой ты
За народ поднимай!

– Ты понял, чего желает Пон Сон? Ты знаешь, какая одежда на тебе?

Эти слова заставили парня опомниться.

– Все понял. Пон Сон просила меня выше поднять молот, чтобы отомстить угнетателям за страдания народа. А эта одежда была полита ее кровавыми слезами.

Глаза юноши засверкали от ненависти к врагу.

– Да, юноша, в тебе живы боевой дух и мужество когурёсцев – и мне нечего скрывать от тебя тайны военного искусства. Только накрепко запомни, чтобы поднять молот на защиту обиженных и угнетенных, необходимо закалить волю и выковать силу и отвагу, преодолев всевозможные препятствия и претерпев множество лишений. А ты готов ли на это?

– Я готов пройти огонь и воду, чтобы стать отважным, сильным и мудрым. Я готов освоить все премудрости наук и военного дела. Научите меня всему тому, что вы знаете.

С этого дня Свэ Мэ начал заниматься тяжелой работой. В первую очередь ему нужно было ежедневно взбираться на гору Тэсон, поднимать огромную четырехугольную каменную плиту, которая как крышка прикрывала небольшую впадину в скале, чтобы выпить три черпака скопившейся там ржавой воды.

Мудрец объяснил юноше, что каменная крышка – та тяжесть, с которой навалились на бедный народ проклятые угнетатели, а ржавая вода – это пот и кровь, выжимаемые ими из него.

Парню нужно было день за днем растить в себе силу, чтобы он мог мизинцем сдвинуть тяжелую крышку весом в тысячу пудов, а ржавую воду нужно пить до тех пор, пока она не покажется сладкой. Еще он должен был каждый день одолевать крутой обрыв и окунаться в ледяную воду озера Мичхон на горе Тэсон, которое находится в 30 ли от хижины мудреца, а по вечерам еще читать книги. Этот крутой обрыв должен напоминать Свэ Мэ о страданиях простолюдинов, а купание в ледяной воде озера Мичхон помогает укрепить дух. Так ежедневно юноша должен тренировать свое тело и душу в течение целого года, не пропуская ни одного дня.

× ×

Вначале было тяжело. В первые дни тяжелую каменную крышку под сухой сосной на горе Тэсон парень мог сдвинуть только с помощью рычага.

Как можно поднять ее мизинцем?! – раздумывал он. Но при мысли, что так же, как эта крышка свинцовой тяжестью давит на землю, так давят народ угнетатели, он сжимал кулаки и стискивал зубы от ненависти. С огромным напряжением он сдвинул каменную крышку, громко крякнув от усилия. Действительно, под камнем в узкой ложбинке скопилось немного воды грязно-бурого цвета. Сделав глоток, он почувствовал, что все внутренности его переворачиваются от отвращения, так сильно вода

пахла ржавчиной. Но Свэ Мэ трижды в день глотал эту противную на вкус воду.

Следующей задачей было преодолеть расселину с обрывистыми стенками. Даже птицы перелетали ее, сделав передышку посередине. Свэ Мэ вспомнил, что мудрец объяснял ему, что преодоление этого препятствия сравнимо с муками угнетенного народа, и упорно полез вверх по обрывистому склону, цепляясь за выступы камней и колючий кустарник.

Вода в озере Мичхон была холодна, как лед. Тело мгновенно окоченело, руки и ноги онемели, но он, стиснув зубы, поплыл и переплыл на противоположный берег озера.

Завершив таким образом задание первого дня, он в назначенный час явился к мудрецу О Хаку. Конечно, он еле стоял на ногах от усталости, но мудрец даже и не поглядел на него, а только протянул парню молот, который тот принес из дому, и велел что было силы ударить по большому обломку скалы, лежавшему во дворе.

Парень размахнулся и... от скалы отскочил кусочек камня не больше голубиного яйца.

– Пока слабо.

На этот раз от скалы отлетел камень величиной с куриное яйцо.

– Сильнее, сильнее!

Мудрец сказал это очень строго.

Свэ Мэ размахнулся еще сильнее и от скалы отлетел камень величиной с кулак.

– На сегодня хватит! – сказал мудрец и открыл перед Свэ Мэ книгу. – Ты выполнил задание первого дня. С военным искусством на сегодня мы закончим, перейдем к занятиям духовным.

У парня потемнело в глазах. «Неужели я справлюсь с этим делом?» Но, собравшись с духом, он начал читать строку за строкой вслед за учителем. Вокруг все замерло и даже птицы погрузились в глубокий сон. В ущельи горы Тэдон до глубокой ночи были слышны лишь голоса учителя и ученика, вслух читающих книгу.

Учение не прекращалось ни на день. Ни дождь, ни снег не могли помешать ему. Твердая решимость Свэ Мэ и неустанное внимание мудреца О Хака постепенно делали свое дело.

Теперь Свэ Мэ с легкостью отодвигал тяжелую крышку, пил безо всякого отвращения ржавую воду, словно освежающее питье, одним махом перескакивал крутой обрыв и проплывал десять раз туда и обратно ледяную гладь озера Мичхон. Сознание Свэ Мэ с каждым днем становилось все ясней. Под ударами его молота разлетались камни величиной с большой барабан. Не удовлетворенный результатами Свэ Мэ еще упорнее стал добиваться своей цели.

Наконец, настал день испытаний. Мудрец О Хак решил проверить, что успел сделать его упорный ученик. Учитель позвал к себе Свэ Мэ, подошел к каменной крышке.

– Передвигай.

– Слушаюсь.

Свэ Мэ мизинцем отодвинул каменную крышку. Мудрец улыбнулся одними глазами.

– Пей!

– Хорошо!

Свэ Мэ выпил залпом три черпака ржавой воды.

Мудрец тоже взял черпак, зачерпнул ржавую воду и глотнул три раза, потом мизинцем сдвинул тяжелую

каменную крышку на место. Затем они подошли к краю расселины.

– Прыгай!

– Понял.

Когда Свэ Мэ перелетел через расселину, мудрец тоже перемахнул через нее и мигом оказался рядом с парнем. О Хак улыбнулся.

Учитель вместе с учеником купались в озере Мичхон, а когда вернулись в хижину, он протянул ему молот. От сильного удара Свэ Мэ обломок скалы разлетелся пополам.

– Молодец, Свэ Мэ! – похвалил учитель.

Потом учитель обмакнул стоявшую в углу большую метлу в чан с жидкой тушью и сказал:

– Сейчас я буду распылять метлой жидкую тушь, а ты постарайся сделать так, чтобы ни одна капля не попала тебе на голову.

Учитель встряхнул метлу над головой юноши, а тот быстро начал вращать молотом и ни одна капля не попала ему на голову.

Пока Свэ Мэ тренировался, истрепалась и порвалась одежда, сделанная руками его бедной невесты. С грустью и нежностью погладил Свэ Мэ рукой заплаты на истрепавшейся ткани.

Мудрец О Хак торжественно и строго сказал, поглядев на своего ученика:

– Поздравляю когурёского полководца Свэ Мэ! Этим молотом ты будешь разбивать любое зло на земле и защищать народ от притеснений. Тебя не будет снедать жажда наживы и власти. Иди в мир!

По стране поползли слухи, что на горе Тэсон появился богатырь неслыханной силы.

Ким Док Гу, словно почуяв недоброе, решил поскорее покончить с историей, в которую попал благодаря Пон Сон.

Как-то он заглянул в ее каморку и с наигранным весельем спросил: – Ты все еще упрямишься? Может, поверила слухам о невиданном богатыре? Это вранье! Нет никакого богатыря на горе Тэсон! Лучше послушай моего совета! Ты ведь не представляешь, как роскошно живут наложницы вельмож – этому завидуют все девушки в стране.

– Если у наложниц вельмож такая роскошная жизнь, отдайте во дворец вашу дочку, – резко ответила ему Пон Сон, бросив на него полный ненависти и презрения взгляд.

– Ах, ты тварь неблагодарная? Я ж тебя кормил здесь целых два года и три месяца!

– Разве можно назвать благодеянием то, что сделали вы – богач, белая кость: заточили в эту каморку невесту солдата, убили ее отца и свели с ума мать? Вы можете и меня убить сегодня, но соотечественники никогда не забудут ваших злодеяний! – сказала Пон Сон, готовая на смерть, полная справедливого гнева.

– Связать и наказать негодяйку! Да всыпать ей хорошенько! Посмотрим, сколько ударов она выдержит.

Слуги набросились на девушку, связали ее и начали бить батогами. На просторном дворе так и свистели падающие на хрупкую спину девушки палочные удары. При каждом ударе у зрителей, вернее зевак из челяди, мурашки бегали по спине.

Но Пон Сон не сдавалась. Она не боялась боли, ей было до слез обидно умереть от рук злодеев, так и не увидев любимого Свэ Мэ.

Она всей душой верила, что богатырь с горы Тэсон не кто иной, как ее жених. Верила, что после ее смерти Свэ Мэ жестоко расправится с истязателями.

Под ударами палок она потеряла сознание. Но, даже приходя в себя, она твердила строки своего письма к Свэ Мэ.

... ...
А теперь ты – в кольчуге,
Политой слезами и гневом,
Выше молот свой ты
За народ поднимай!

И она снова потеряла сознание.

В это мгновение за воротами раздался громовой крик:

– Открывайте, негодяи!

Слуги в ужасе покосились на хозяина, испуганные таким страшным окриком.

– Закройте ворота на замок и никого не впускайте!

Не успел Ким Док Гу отдать приказ, как с крыши высоких ворот посыпалась черепица и внезапно рухнули балки. Во двор ворвался Свэ Мэ, повязавший голову конопляным полотенцем, с огромным молотом в руках.

– Я пришел с горы Тэсон – меня зовут Свэ Мэ.

Началась паника. Даже не смея глядеть в горящие ненавистью глаза Свэ Мэ, злодей вопил что есть мочи:

– Хватайте и вяжите этого негодяя, он среди бела дня ворвался в мой дом.

На Свэ Мэ обрушились силачи-слуги. Но Свэ Мэ, схватив одного из них за ноги, размахивал им, колотя остальных. Он просто вышвырнул их всех за ограду, потом поднялся на террасу и схватил Ким Док Гу за шиворот.

– Спасите меня! – взвыл злодей.

Но Свэ Мэ зашвырнул злодея на высокое дерево, росшее за оградой, и тот повис вниз головой на ветке. Чиновничья шляпа, делавшая его таким важным, упала и валялась на земле.

– Полководец Свэ Мэ! Скорее, там Пон Сон!

Свэ Мэ бросился туда, куда указала старуха. Там без сознания лежала окровавленная Пон Сон.

– Пон Сон, это я! Я вернулся! Я, твой Свэ Мэ! Открой глаза!

Пон Сон открыла глаза.

– Наконец-то! Я верила, что ты вернешься! – улыбалась девушка на руках у своего суженого. По щекам ее катились слезы.

Весть о появлении богатыря мигом облетела всю столицу. Об этом шушукались даже в королевском дворце.

– Позвольте доложить, – обращались чиновники к начальству, – если мы не найдем управу на этого бандита, который ворвался средь бела дня во двор к знатному человеку, сломал ему поясницу, то он непременно устроит мятеж.

– Надо схватить разбойника и разрезать ему сухожилья на ногах.

Так говорили королю в страхе алчные развращенные чиновники и придворные. Но никто из них не посмел даже приблизиться к Свэ Мэ. Скорее сам Свэ Мэ сломал бы поясницы этим негодяям, если бы не помнил наставлений мудрого учителя.

В это же время случилась беда – в страну вторглись отряды чужеземных захватчиков.

Войска Когурё потерпели поражение. Во дворце поднялась суматоха. По стране прокатилась волна страха.

– Спасти страну может только богатырь Свэ Мэ, – докладывали королю перепуганные чиновники.

И Свэ Мэ поставили впереди войска. Он занял свое законное место – место народного полководца.

Провожая любимого на битву, Пон Сон от души пожелала ему скорой победы.

На поле брани полководец Свэ Мэ, размахивая молотом, истребил множество врагов, а затем растоптал позиции противника, словно боевой слон. Враги бежали в панике.

Это был первый подвиг Свэ Мэ. Первый раз он спас страну от нападения иностранных захватчиков.

Война окончилась и Свэ Мэ вместе со своей верной подругой исчезли неизвестно куда.

Прошло много лет. В страну опять вторглись враги. Уже несколько крепостей пало под их сокрушительными ударами. Вражеские отряды прошли уже в глубь страны.

Но вот однажды перед вражеским войском вдруг появился седовласый богатырь с тяжелым молотом. Он крикнул: эй, грабители, не хотите ли отведать удара молота старика из великого Когурё?!

Он был уже стар, но сердце горело молодым огнем ненависти к врагу. Его грозный молот, как гвозди, забивал в землю вражеских солдат. Враг был вдребезги разбит.

«Еще жив великий Свэ Мэ из Когурё» – это приводило противника в ужас. Захватчики в панике бежали восвояси. Но после битвы полководец Свэ Мэ снова бесследно исчез.

В народе тогда сочинили песню:

Стал могучим воином Свэ Мэ
От того, что был душою стоек,

А не от того, что молот был велик.
У него седая голова,
А над головой он держит молот –
Символ сил народа своего.

× ×

Говорят, что в глухом горном захолустье, в уезде Яндок жили в мире и согласии старые супруги. Они мирно обрабатывали свой клочок земли.

Это были Свэ Мэ и его верная Пон Сон. Возле их хижины были могилы замученных родителей Пон Сон.

Помня наставления старого учителя О Хака, полководец Свэ Мэ не позарился на чины и богатства, совершив столь блистательные подвиги во имя Родины. Но если в стране появлялся враг, он, невзирая на свои седины, поднимал тяжелый молот и становился вперед войска.

«Королева» в мешке

В старину при пхеньянском королевском дворце жила придворная дама по имени Кван На. Она была огромного роста, а волосы ее были так длинны, что достигали земли.

Когда король однажды заметил в толпе придворных Кван На, сердце его воспламенилось страстью. Он стал ежедневно устраивать пиры и охоту, забросив государственные дела.

Кван На, почувствовав внимание короля, начала кокетничать напропалую и король стал выполнять все ее капризы.

Сановники стали льстиво угождать Кван На в надежде снискать расположение короля. Она же вообразила, что ей, как фаворитке, можно требовать от владыки всего, чего она только пожелает и в своих мечтах уже соображала себя королевой.

Для того, чтобы добиться заветной цели, Кван На изобретала все новые и новые способы кокетства, старалась угождать королю, но, стараясь таким образом угодить ему, она потихоньку клеветала на королеву. Влюбленный и ослепленный король верил только ей и

стал плохо относиться к королеве. Даже в государственных делах он не предпринимал ни одного шага, не посоветовавшись со своей фавориткой.

Честные придворные и верные сановники пытались помочь королю, старались дать ему дружеские советы, но король не слушал их и даже жестоко наказывал. Многих приближенных короля тогда сослали и казнили по его приказу, который следовал по наущению коварной фаворитки. Многим пришлось покинуть столицу, спасая свою жизнь.

А король тем временем проводил время в праздничном бездельи, отдавая свое время пирам и влюбленно глядя на веселящуюся Кван На, которая любила плясать, распустив до земли свои роскошные волосы. Ее плавный танец и гибкий стан завораживали короля.

Однажды Кван На захворала и осталась во дворце, а король отправился на охоту в долину Раннан. Так, впервые он поехал на охоту без фаворитки. Король обожал охоту и три ночи рыскала по полям королевская свита. Охотники приносили знатную добычу. Множество всевозможной живности несли загонщики королю. Им удалось поймать даже тигра, не говоря уже о медведях, оленях, козлах, лисах, фазанах.

С интересом король рассматривал охотничьи трофеи. Ему понравилась красивая лисица с длинным хвостом.

– Какой, однако, длинный и роскошный хвост у лисицы! – задумчиво произнес он.

– Вообще-то лисица соблазняет других своим роскошным хвостом и таким образом добивается своего, – промолвил стоящий рядом старый министр.

– Как это? – спросил с интересом король.

– А так, – ответил министр, – лисица самый хитрый зверь. Она может лестью обмануть даже таких матерых

хищников, как тигр, она виляет длинным хвостом и водит тигра за нос. Когда лисица бежит впереди тигра, обещая навести его на хорошую добычу, все звери дрожат от страха. Лисица, оказавшись вне конкуренции, хвастается перед другими зверями своим особым положением.

– Интересно, интересно, продолжайте, – попросил король.

– И продолжу, отчего же не продолжить, – ответил ему министр.

– Лисица презирает кроткого оленя и доверчивого козла, всячески угрожает им, ставя хвост торчком, а всевозможную мелочь просто обижает, хлещет направо-налево этим же хвостом.

– Хитрющий зверь, – расхохотался король. Тут старый министр вдруг стал серьезным и сказал:

– Такая хитрость, по-моему, присуща не только длиннохвостой лисице, но и длинноволосому человеку.

Он имел в виду фаворитку Кван На. Рискуя жизнью, решил помочь королю. Он не мог больше смотреть сквозь пальцы на всю неразбериху во дворце, которая происходила из-за козней хитрой Кван На, а в стране назревали беспорядки и все это могло привести к печальным последствиям. Король был похож на тигра, обманутого лисицей.

После слов министра король изменился в лице, уловив намек министра. Сановники, окружавшие короля, страшно перепугались.

Министр, понимая всю важность момента, упал на колени перед королем и промолвил: – Ваше величество, я хочу дать Вам искренний совет... В последнее время Вам изменила Ваша проницательность, поубавилась Ваша мудрость и сейчас и во дворце и в стране...

– Перестань! – оборвал его король. – Мы возвращаемся во дворец!

Подчиненные задрожали от ужаса, не смея взглянуть в лицо королю, лицо которого стало белее мела.

– Теперь министру крышка!

– А вдруг его искренние и мудрые слова заставили короля задуматься над всем происходящим? Хорошо бы, чтобы это было именно так.

По крайней мере многие про себя подумали в этот миг такое.

И в самом деле у короля испортилось настроение. Он возненавидел старого министра, но почему-то перед глазами у него постоянно мелькали длинные, напоминающие лисий хвост, волосы Кван На.

Его мучила одна мысль: неужели в прекрасном облике женщины может таиться такая хитрость?!

Король погрузился в глубокое раздумье и промолчал всю обратную дорогу.

Тем временем Кван На, отправив короля на охоту, ломала голову над тем, как бы побыстрее избавиться от королевы.

«Королева слишком робка, она может потерять сознание от одного лишь оклика короля. Если бы ее не стало, я заняла бы это место! Что же нужно делать?!»

После долгих размышлений она ночью вызвала к себе служанку и приказала ей сшить большой мешок из воловьих шкур. Ни о чем не подозревая, та шила всю ночь напролет заказанный ей мешок.

«Нельзя терять время! Нужно действовать немедленно», – решила Кван На.

Когда король вернулся во дворец, она начала с ним прежние игры, пуская в ход все свое кокетство. Она

старалась снять с него дорожную усталость, велела придворным дамам накрыть роскошный стол.

Однако ее встревожил хмурый вид трапезничающего короля.

В это время король внимательно разглядывал длинные волосы Кван На, все время вспоминая длинный хвост лисицы, которую он видел днем.

Тем временем старый министр сидел во дворе своего дома на соломенной циновке, подобно преступнику, и ждал вести о наказании.

Король бы не в духе и пирушка прошла скучно.

После пира король удалился в свои покои и Кван На последовала за ним, прихватив с собою мешок. Она утомленно опустилась перед властителем на колени. Растерянный король не знал, что делать, а Кван На, улучив момент, притворно всхлипывая, заговорила: – Я думала, что мне, низкой женщине, улыбнулось счастье на всю жизнь по воле вашей милости, но мне придется покинуть дворец, ибо я не могу вынести смертельной ненависти королевы.

В ее словах, казалось, была настоящая печаль и горе.

Но королю в этот миг почудилось, будто он – тигр, а она – лиса.

«Эта ведьма – точно, как лиса», – подумал он.

– Ну, а как она себя проявляет? – спросил король. – Почему ты считаешь, что она тебя ненавидит?

Он вдруг понял, что до сих пор Кван На не раз клеветала на королеву, а королева ни разу не сказала дурного слова о Кван На. Он вдруг вспомнил умоляющий взгляд старого министра, который говорил про оленя и козла. Сам министр, рисковавший своей головой, был человеком честным, чуждым легкомыслию и лести, никогда не лицемерил и был любим народом и двором.

Не подозревая, о чем сейчас думает король, Кван На печальным голосом продолжала жаловатя.

– Королева сказала мне: ты деревенщина и не достойна жить во дворце. Если ты не уйдешь подобру-поздорову, мы зашьем тебя в мешок и бросим в реку.

– А ну?

– Я решила, что лучше умереть в самодельном мешке, чем в казенном, и сама себе сшила мешок.

– Да, вот это номер! Ха-ха-ха! Тогда попробуй влезть в него, – сказал король безучастно.

Но Кван На истолковала этот смех по-своему.

«Значит, все хорошо. Король по-прежнему без ума от меня и в шутку от любви предлагает мне влезть в мешок. Теперь я буду первой дамой королевства!» – так решила коварная фаворитка, влезая в кожаный мешок и предвкушая свое торжество.

«Прежде всего нужно прогнать старого министра. Он всегда неодобрительно поглядывал на меня, а ненавистную королеву надо сослать на остров Чечжу навсегда».

В этот момент она услышала строгий голос короля:

– Идите сюда!

Собрались придворные дамы.

– Завяжите покрепче шнуром этот кожаный мешок!

Не понимая еще, в чем дело, дамы крепко-накрепко завязали мешок шелковым шнурком. Концы длинных волос Кван На торчали из мешка. Служанки пытались засунуть их в мешок.

– Оставьте так! – приказал король.

Длинные волосы коварной Кван На вновь напомнили ему лисий хвост. Он вдруг понял, что остро возненавидел ее, оклеветавшую честную королеву.

«И в самом деле я был в положении того тигра, которого обманула лисица», – досадовал король.

– Пускай воины отвезут и бросят в реку Тэдон этот кожаный мешок, – приказал он.

Воины по приказу короля взвалили мешок на плечи и понесли к реке.

Однако, Кван На продолжала улыбаться ехидно, сидя в мешке, считая, что это, все же, очередная шутка влюбленного короля.

Вдруг ей показалось, что все вокруг изменилось. Она прислушалась, но ничего не разобрала, кроме мерного шага солдат и плеска волн.

С ужасом очнулась от своих грез в мешке лукавая фаворитка. Она попыталась вырваться из мешка, но тщетно. Тогда она прислушалась к болтовне солдат.

– Вот хорошо, что вилявшая хвостом ведьма утонет. Тот старый министр – мудрец и храбрец.

С этими словами они высоко подняли мешок и далеко зашвырнули его в воду.

Кван На, барахтаясь в мешке, кричала: «Ах, боже мой, я умру в собственном мешке!» Так утонула коварная и жестокая фаворитка.

После ее смерти еще долго плыли по волнам длинные черные космы, – говорят, что порой раздавался ее голос: «Ах, боже мой, я утону в мешке, сделанном своими руками!»

Двенадцать корней сансама

Давным-давно за северными воротами Пхеньянской крепости жил-был молодой парень со своей матерью. Был он очень хорошим и добрым сыном, очень почитал трудолюбивую и хлопотливую мать, в поте лица добывали они хлеб свой, но жили очень бедно. Соседи любили и уважали трудолюбивую семью.

Парня звали Мун Хё Сон, что означало – почтительный сын.

Мать Мун Хё Сона рано овдовела и всю радость и надежды связывала с будущим сына. Вся жизнь ее была в нем. С утра до вечера хлопотала женщина по дому, полола огород, пряла, растила овощи.

Но однажды эту бедную семью постигла большая беда. Мать тяжело заболела и уже не могла вставать с постели и заниматься привычным делом.

Сын день и ночь выхаживал больную. Он готов был на все, чтобы вылечить мать, он мог бы пройти сотни верст, чтобы найти лекарство, которое бы могло облегчить страдания больной. Но облегчение не наступало, наоборот, матери становилось все хуже и хуже.

«Почему так несправедливо устроен мир? Что плохого сделали мы с моей доброй матушкой? Почему бог не дал ей прожить спокойно остаток дней. Разве не тружусь я в поте лица честно и упорно?» – так думал сын, до боли сжимая кулаки от бессилия.

Если соседи, жалея мать, приносили ей что-нибудь повкуснее, она даже не притрагивалась к еде, оставляла ее сыну.

Материнская забота до слез трогала юношу.

А мать горевала от того, что ей ни разу не удалось накормить сына досыта.

Хё Сон делал все, чтобы вылечить мать от недуга, – собирал всевозможные лекарственные травы, ловил птиц и зверей, но болезнь не сдавалась и отнимала у матери последние силы.

«Умру я, и останется мой сын один-одинешенек в этом жестоком мире», – думала, изнемогая от страха, мать, глядя на него полными слез, запавшими от недуга глазами.

– Можно было бы вылечить твою мать, если достать сансама, но вряд ли нам это удастся, – говорили со вздохом женщины-соседки.

«Сансам – корень жизни! – почему я забыл о нем?! Он же растет у нас! Я достану его, чего бы это мне ни стоило, даже если мне придется перевернуть землю».

И он принялся искать корень жизни в горах. Но его не так уж просто отыскать.

«Неужели корень жизни дается в руки одним лишь счастливчикам? Отчего я не могу его отыскать, несмотря на все усилия? Может быть, я плохо искал?» – так думал сын и вновь и вновь уходил из дома на поиски.

Однажды он встретил по дороге двух сверстников – товарищей детских забав.

Они прослышали, что парень рыщет по горам в поисках лекарства для больной матери.

– Прости нас, мы ничем не помогли тебе, но твоя мать и нам мать. Мы пойдем сегодня искать сансам с тобою вместе.

– Говорят, что в старину в глубоком ущелье Тэсон рос сансам. Может быть, и сейчас он там растет. Пойдем туда.

– Спасибо вам, друзья, – воскликнул Хё Сон, тронутый дружеской поддержкой. Он готов был обнять друзей детства.

Ведь когда-то, в детские годы, они всегда приходили друг другу на выручку. Хё Сон был самым бескорыстным товарищем.

С возрастом дружеские чувства пропали, бывшие друзья стали жадными и подозрительными. Но сегодня, словно вспомнив детство, они вызвались помочь попавшему в беду Хё Сону и он был глубоко тронут их порывом.

Итак, все трое храбро карабкались по крутым тропинкам горы Тэсон. Дорога была тяжелой, но друзья не знали усталости. Хё Сон был полон надежд. Друзья казались ему родными братьями.

«Они живут лучше меня, не знают тех горестей, с которыми я ежедневно сталкиваюсь, но они так добры ко мне. Пословица недаром молвится – друг дороже золота».

Хё Сону казалось, что хрустальное осеннее небо отражает их чистые души, и что птицы, звери, вся природа завидуют ему, потому что у него также хорошие друзья.

С этой мыслью он наклонился над обрывом и вскрикнул от удивления – внизу, на уступе обрыва алели

цветы. Он даже вскрикнул: вон там, глядите, какие чудесные цветы!

– Это цветет сансам! – воскликнул один из друзей. Он видел однажды сансам, который его отец купил у бродячего торговца.

– Ах, какая удача!

В волнении все трое начали искать дорогу, по которой можно было бы подобраться к цветам, растущим на крутом уступе обрыва.

Сосчитали цветы. Оказалось, что на обрыве выросло двенадцать кустиков волшебного растения.

– Давайте, скорее спустимся!

– Но как это сделать?!

Хё Сон вытащил из мешка веревку и сказал:

– Вы держите крепче конец веревки, а я спущусь по ней вниз и выкопаю корни.

– Правильно! Только будь осторожен, смотри, не повреди корешки.

Оба друга крепко держали веревку, стоя на краю обрыва, а Хё Сон спустился вниз, прихватив корзину.

Ему не было страшно, он думал только о спасении матери.

Добравшись до уступа, он нежно погладил алые головки цветов и прошептал:

«Спасибо, волшебный корень жизни, помоги мне вылечить мою добрую матушку!»

Откуда-то прилетели две бабочки. Они порхали над головой смельчака, словно поощряя его.

Друзья торопили Хё Сона.

– Скорей копай!

– Только осторожней – не повреди цветы и листья!

Мун Хё Сон вскапывал корни один за другим.

Ему казалось, что корни сансама, похожие на человеческие фигурки, дружелюбно улыбаются. Перед глазами стояла картина: мать принимает лекарство из корней и, выздоравливая, молодеет день ото дня. Хё Сон, отвыкший за долгие годы от песен, вдруг запел, выкапывая корни жизни:

От целебного лекарства
Мать моя помолодеет
И на утро, встав с постели,
Станет бодрой и здоровой –
От волшебного корня.

Наконец, все двенадцать корней аккуратно положены в корзину, корзинка привязана к веревке и довольный Хё Сон окликнул стоящих товарищей:

– Эй, тяните веревку с корзинкой, а потом и меня следом.

Корзинка медленно поплыла наверх.

– Ах, сансам!

– Корень жизни, счастье какое!

Разом воскликнули оба парня. Они увидели двенадцать крупных – с большую редьку – корней сансама. При виде таких сокровищ у них округлились глаза и бешено заколотились сердца.

И тут ими внезапно овладела дикая алчность.

Два человека одновременно подумали одно и то же: двенадцать корней поделить на три – получится по четыре, а если на двоих поделить, то получится по шесть.

Один решил, что шесть корней можно превратить в кучу денег, купить плантацию, дом под черепичной крышей.

Другому грезилось, что он дарит шесть корней пхеньянскому губернатору, а тот, получив столь щедрый дар, присуждает ему звание чиновника.

– Ну, пошли, – окликнул второго один из парней, – поделим корни на две части.

Забрав свои корни, оба поспешно бросились обходным путем подальше от ущелья.

Ждал и не мог дождаться Хё Сон, что его товарищи опустят веревку, кричал громко, звал их, но они не откликались.

«Не могли же они бросить меня здесь одного?!» – у него заныло сердце от нехорошего предчувствия.

Долго он еще задирал голову вверх, ждал веревку, но все было напрасно. Друзья ушли и Хё Сон остался в глубоком ущелье, брошенный на погибель.

«Ох, что же это такое! Пускай умру я, но что станется с моей бедной больной матушкой?!»

Он представлял себе изможденное лицо матери, которая напрасно ожидает возвращения сына.

Ему почудилось, что спутники бросили его в бездонную пропасть.

«Какая подлая измена!» – негодовал он.

Вспомнил детские годы.

Как могло такое случиться! Еще утром попутчики были так добры ко мне! Неужели их дружба стоила дешевле нескольких корней сансама? – Мун Хё Сон в отчаянии сжимал кулаки.

Положение было безвыходным. С отвесной кручи невозможно было спуститься вниз и подняться наверх. Оказавшись в ловушке, он забарабанил кулаками по скале.

«Мерзавцы, вам не дороги и ваши родители?» – кричал он.

По небу поползли тяжелые тучи. Хлынул дождь. Слышны были только жуткие крики и вой хищных зверей.

Потом наступил рассвет.

«Как, наверное, болит у матери душа в ожидании сына. Может быть, у них найдется хоть капля жалости к бедной больной женщине, и они отдадут матери хоть один корешок сансама?!

Они, наверное, солгут, что я упал с обрыва в пропасть и погиб. ...Тогда моя мать умрет от горя и не возьмет целебный корешок. Она будет день и ночь звать сына».

Мысли, одна горестнее другой, роились в голове Хё Сона. Он в бессилии бил кулаками по скале. Так прошло три дня.

Голод можно было утолять лишь съедобными кореньями, которые росли поблизости в расселине.

Вдруг невдалеке он услышал легкий шорох. Парень приоткрыл глаза и ахнул: к нему полз громадный змей, высовывая быстрый раздвоенный язычок. Сил на борьбу уже не было.

«Настал мой последний час», – подумал он и решил броситься в пропасть.

– Мама!

Последний крик его подхватило эхо и понесло в сторону Пхеньянской крепости.

Гигантский змей тем временем обмотал длинным хвостом тело впавшего в беспамятство Хё Сона и втащил его на край обрыва.

Вокруг весело щебетали птицы, булькал и журчал маленький ручей, вытекавший из-под камней. Над головой синело небо, чистое хрустальное, не ведающее зла и добра.

– Мама! – еще раз крикнул он и быстро спустился вниз с обрыва.

– Негодяи в человечьей шкуре хуже любого животного, – подумал он.

Вдруг он заметил, что между двумя кудрявыми соснами переливается радужными блестками небольшое облачко. Он протер глаза: навстречу шла и улыбалась прелестная фея в блестящем наряде.

Она поклонилась Хё Сону и протянула ему ту самую злополучную корзиночку с корнями сансама.

– Спеши домой, – сказала она ему. – Там ждет не дождется тебя больная мать! Скорее иди и ты вылечишь ее.

«Не сон ли это?» – подумал изумленный парень.

– Если ты дойдешь до той вот большой скалы, то увидишь, чем кончилась история двух твоих бывших друзей. Их погубила алчность, – сказала фея и улетела, взмахнув радужными крыльями.

Хё Сон бросился туда и увидел двух изменников, которые удрали от него с целебными корнями. Они застыли, вцепившись руками друг другу в горло. Видимо, они дрались из-за корней, и тут их сразила одним ударом молния.

